

Русский орнитологический журнал
The Russian Journal of Ornithology

Издаётся с 1992 года

Том XIII

Экспресс-выпуск • Express-issue

2004 № 272

СОДЕРЖАНИЕ

- 835-851 Орнитолог Сергей Иванович Снигиревский.
В. В. БИАНКИ
- 852-856 О взаимоотношениях обыкновенной кукушки
Cuculus canorus с видами *Phylloscopus*
на Северо-Западе России. Н. В. ЛАПШИН
- 856-859 К экологии дубровника *Emberiza aureola*
в Мордовии. Е. В. ЛЫСЕНКОВ,
С. Н. СПИРИДОНОВ, А. С. ЛАПШИН
- 860-864 К орнитофауне Северного Сахалина.
А. Ю. БЛОХИН, И. М. ТИУНОВ
- 865-866 Гнездование зимяка *Buteo lagopus*
в антропогенном ландшафте. И. В. ДОРОГОЙ
- 866-867 Явление позднего размножения чегравы
Hydroprogne caspia на озере Алаколь
(Юго-Восточный Казахстан).
Н. Н. БЕРЕЗОВИКОВ, Ю. П. ЛЕВИНСКИЙ
-

Редактор и издатель А. В. Бардин
Кафедра зоологии позвоночных
Биологический факультет
Санкт-Петербургский университет
Россия 199034 Санкт-Петербург

Русский орнитологический журнал
The Russian Journal of Ornithology
Published from 1992

Volume XIII
Express-issue

2004 № 272

CONTENTS

- 835-851 Ornithologist Sergey Ivanovich Snigirewski.
V. V. BIANKI
- 852-856 On relationships between the cuckoo *Cuculus canorus*
and leaf warblers *Phylloscopus* in North-Western
Russia. N. V. LAPSHIN
- 856-859 To biology of the yellow-breasted bunting
Emberiza aureola in Mordavia. E. V. LYSENKOVA,
S. N. SPIRIDONOV, A. S. LAPSHIN
- 860-864 To avifauna of Northern Sakhalin.
A. Yu. BLOKHIN, I. M. TIUNOV
- 865-866 Breeding of the rough-legged buzzard *Buteo lagopus*
in cultural landscape. I. V. DOROGOY
- 866-867 The case of late breeding of the Caspian tern
Hydroprogne caspia on Alakol Lake,
South-Eastern Kazakhstan.
N. N. BEREZOVIKOV, Yu. P. LEVINSKY
-

A. V. Bardin, Editor and Publisher
Department of Vertebrate Zoology
S. Petersburg University
S. Petersburg 199034 Russia

Орнитолог Сергей Иванович Снигиревский

В.В.Бианки

Кандалакшский государственный природный заповедник,
ул. Линейная, д. 27, г. Кандалакша, Мурманская область, 184040, Россия

Поступила в редакцию 22 ноября 2004

*К 110-летию со дня рождения
Сергея Ивановича Снигиревского*

Есть годы, неблагоприятные для рождения. Такими были девяностые годы девятнадцатого века и конец десятых - начало двадцатых годов века двадцатого. Родившись в девяностых годах, молодые люди взрослели к Первой мировой войне, в начале двадцатых — ко Второй мировой. Они в лучшем случае успевали закончить гимназию или среднюю школу и поступить в университет, после чего попадали в военную мясорубку. Если они оставались в живых, им предстояло осваивать мирную жизнь. Нередко это приходилось делать без помощи родственников. Кому-то удалось после большого напряжения получить высшее образование, кто-то не смог этого сделать из-за перенесённых ранений или по другим причинам. Большинство молодых людей начинало семейную жизнь, что вызывало ещё большие трудности.

Молодёжь рождения 1890-х, кроме того, попала в революционно изменившиеся большевиками условия жизни. Уцелев в ходе Первой мировой и жестокой Гражданской войны, они оказались в экономической и социальной разрухе. Вернувшись к мирной жизни, им было трудно, а часто просто невозможно овладеть желаемой специальностью и обеспечить молодую семью. Приходилось браться за любой заработок. Родительское поколение мало чем могло им помочь.

Сергей Иванович Снигиревский родился в Туле 29 декабря 1895 года, как раз в середине этого десятилетия. Отец — Иван Алексеевич Снигиревский — был личным дворянином, военным, страстным любителем природы и охотником. Мать — Софья Алексеевна, в девичестве Сергеева — увлекалась музыкой и литературным творчеством, печатала в различных журналах небольшие рассказы. Сергей был старшим из детей. С 1906 года семья жила в Екатеринбурге, где Г.О.Клер, учитель гимназии, в которой учился Сергей, читал своим ученикам прекрасные "Рассказы из жизни русской природы" учёного и писателя М.Н.Богданова, которыми зачитывались дети конца XIX-начала XX в. В 1889 г. рассказы и очерки Модеста Николаевича были собраны и изданы Н.П.Вагнером, профессором Петербургского университета. Он писал: "Почти в каждом очерке мы видим живую, прочувствованную картинку, пережитую автором и переданную с этим живым чувством читателю". Г.О.Клер водил своих подопечных в музей Уральского общества любителей естествознания, устраивал экскурсии в нетронутые уголки Урала. Всё это знакомило с природой, развивало интерес к ней.

В 1908 году родители Сергея разошлись. Мать вышла замуж за В.Д.Шидловского, и семья переехала в Тулу, где отчим служил страховым агентом. Отчим был хорошо знаком с известным орнитологом и путешественником по Средней Азии Н.А.Зарудным, и тот подарил любознательному четырнадцатилетнему Сергею целую пачку книг и журналов по орнитологии. Возможности молодого человека самостоятельно заниматься изучением птиц значительно возросли. Чтение было его страстью, причём не только книг по орнитологии. Кроме того, он увлекался ловлей птиц и, имея отдельную комнату, временами собирал их у себя больше сотни. Унаследовал он от матери и увлечение музыкой.

В 1911 году произошло ещё одно изменение в жизни семьи, родители переехали в деревню под Тулой. Зимой гимназисту приходилось жить в городе одному у чужих людей и заниматься репетиторством. Однако хватало времени и читать серьёзные книги по эволюции Н.А.Северцова, И.И.Мечникова и А.Вейсмана, а “Введение в изучение зоологии и сравнительной анатомии” М.А.Мензбира он даже конспектировал. Так напряжённо прошли последние годы гимназии.

Ещё будучи гимназистом, Сергей увлечённо изучал птиц Тульской губернии — их видовой состав, миграции, особенности гнездования. Молодой человек видел себя в жизни зоологом, желательно учёным-орнитологом. Повезло, что в Туле находилась Энтомологическая станция. Заведующий ею А.А.Сопоцько обратил внимание на увлечённого юношу, выделил ему рабочее место и взял над ним шефство. По его совету Сергей начал собирать материалы по питанию птиц и писать заметки в журнал “Любитель природы”, издававшийся в Санкт-Петербурге. В 1912 году в этом журнале в разделе “Корреспонденция” появились маленькие заметки Сергея о пролёте и пролёте птиц у станции Лаптево под Тулой. В следующем году он замахивается на большее и пишет о встречаемости в Тульской губернии синиц, а потом и дроздов. В последней заметке автор охарактеризовал среду обитания дроздов, сообщая о распространении лесов в губернии, их видовом и возрастном составе. Ещё через год появляется заметка о значении воробьев в сельском хозяйстве. Даже эти маленькие публикации в популярном издании показывают активность, профессиональный и социальный рост молодого человека как будущего специалиста.

Окончив гимназию, в конце 1914 года Сергей поехал в Москву поступать на Естественное отделение Физико-математического факультета Московского университета. Всё складывалось хорошо. Начались занятия, которые первокурсник Сергей Снигиревский построил по-своему. Менее интересные дисциплины он отложил на потом, а к зоологическим курсам прибавил географические и усиленно занимался микроскопической техникой.

Уже в первую зиму он познакомился с профессором М.А.Мензбирем, а также с Т.И.Поляковым и С.С.Ненюковым. У последнего была большая библиотека орнитологических книг, которой Сергей мог пользоваться. Кроме того, М.А.Мензбир помог ему стать читателем библиотеки Московского общества испытателей природы. Молодой человек как губка впитывал захватывающие интересные сведения об окружающем мире и из лекций, и из практических занятий, и из книг, и при общении с интересными специалистами.

Но уже второй год шла кровавая Первая мировая война. Надо было пополнять убыль в войсках, и не только техникой, но и людьми. В конце 1916 года, несмотря на плоскостопие, Сергея призвали в армию. После непродолжительного обучения в школе прапорщиков его направили в 59-й запасной полк, расквартированный в Воронеже. Там он стал помощником начальника команды противогазовой защиты. Однако службой занимался мало, всё возможное время старался продолжать свое образование. Он экскурсировал по окрестностям города, знакомясь с встречавшимися там птицами. Кроме того, серьёзно изучал литературу, написал большой литературный обзор птиц Сибири. Помощь при работе с литературой он получал из Санкт-Петербурга от заведующего орнитологическим отделом Зоологического музея В.Л.Бианки.

После восьмимесячного нахождения в глубоком тылу полк был направлен на фронт, на реку Збруч в Галиции, а Сергей Иванович переведён в пулемётную команду. Здесь, кроме огневой и другой военной подготовки, он читал лекции в "Народном университете" Сибирской дивизии. Интеллектуальное развитие и разнообразные знания студента были востребованы в полной мере. Образованием народа и тогда занимались, а у Сергея Ивановича педагогические способности проявились рано. Однако где бы он не был, чем бы не приходилось заниматься, его интерес к птицам всё время давал о себе знать. И здесь, кроме официальных занятий, он собрал небольшую коллекцию птиц, которую после демобилизации передал в Украинскую Академию Наук.

Так прошёл 1917 год. А в начале 1918-го молодой лектор был демобилизован в городе Бердичеве. Там он и устроился преподавать природоведение в Коммерческом училище. Преподавание занимало у молодого человека немного времени, а энергия требовала выхода. Вместе с такими же энтузиастами он организовал Общество любителей природы, в котором занял пост секретаря, а вскоре стал председателем. К этому времени Сергей Иванович потерял родителей. Мать, отчим и младший братишко погибли в 1918 году от тифа. Остались сестры — Наталия Снигиревская и Тамара Шидловская. Надо было думать и о них.

Относительно спокойная жизнь продолжалась недолго. Шла гражданская война, власть на Украине менялась, и "красные", и "белые" набирали в свои армии подкрепление. Был мобилизован и Снигиревский. В середине 1919 года его призвали служить в железнодорожные войска, а потом перевели в Первую Конную армию. Участвовал в польском походе и в жарком сражении у Замостья. В этот период ему удалось наблюдать "воробышнюю ночь", когда после страшной грозы с проливным дождём утром на земле валялась масса погибших мелких птиц.

Однако мозаика жизни продолжалась. Уже в конце 1920 года Сергей Иванович был откомандирован по указанию ЦК УКП в распоряжение Наркомзема Украины и получил направление на работу в Аскания-Нова. Этот заповедник, организованный в прошлом веке Ф.Э.Фальц-Фейном на своих собственных землях, теперь стал государственным, и работы в нём продолжались. По сути, заповедником Асканию-Нова можно было назвать только условно. Это была акклиматационная станция крупных копытных, сохраняемые нераспаханными участки степи, искусственные лесонасажде-

ния и водоёмы в открытой степи. В ведении Аскания-Нова находились охраняемые участки на Чурюке, Джарылгаче, Тендре и Сиваше, предполагали также заповедать Солёно-озёрную дачу и бывшее имение князя Юсупова в горном Крыму. Руководил заповедником директор и Асканийский комитет, созываемый не менее одного раза в год. Комитет состоял из представителей администрации и научных институтов России, Украины и Крыма (Савченко, Котов 1922).

Вот она, первая официальная должность Сергея Ивановича на биологическом поприще. И ничего, что диплом о высшем образовании в будущем. Приобретённые к этому времени знания позволили Сергею Ивановичу занять должность научного сотрудника. Он знакомится с птичьим населением заповедной степи и приморских территорий, занимается заповеданием Чурюка и Джарылгача. На первой сессии Асканийского комитета, которая проходила 4-10 июля 1922 г., он докладывал вместе с профессором И.К. Тарнани план работ зоологического отдела Степной научной станции. Кроме того, в программу сессии входили доклады С.И. “Организация заповедников по охране птиц и пр. фауны на о. Джарылгаче, Тендре и Сиваше” и “Перелёт птиц в Аскания-Нова”. Г.И. Рибергер доложил “Сведения о кольцевании птиц в Аскания-Нова”.

За годы Гражданской войны природа Аскания-Нова и её окрестностей сильно пострадала. Восстановление её уже началось, но проходило трудно. Собрание постановило организовать инспекториат по охране природы с центром в Аскании Нова, председателем которого выбрали Н.А. Бурьяновского, а секретарем — С.И. Снигиревского (Котов 1922). В сентябре 1922 г. С.И. доложил на заседании Зоологической секции ВУАН о птицах, встречающихся на островах Петrivka и Узган-Тугай в заливе Сиваш.

В 1921 году П.П. Сушкин возглавил орнитологический отдел в Зоологическом музее Академии наук в Петрограде. Вскоре он пригласил Сергея Ивановича приехать для обработки коллекции птиц, собранной в Аскании-Нова. Зимой 1921/22 гг. Снигиревский отправился туда и в 1922-23 годах опубликовал результаты наблюдения птиц в приморских заповедниках и материалы о редких птицах Днепровского уезда Таврической губернии. В последнюю работу вошли не только данные автора, но и сведения, полученные при обработке ранее собранной коллекции и дневников Ф.Э. Фальц-Фейна, К.Е. Сиянко и Г.И. Рибергера, а также некоторые наблюдения, сделанные в 1922 году Н.И. Дергуновым.

Государство выдвигало способных, знающих себе цену молодых людей. Старых специалистов осталось немного, да и отношение к ним у правительства было недоверчивое. Нужны были новые, чтобы всё строить заново. Пришлось Сергею Ивановичу быть секретарем Инспекции по охране природы юга Украины, специалистом по охране природы в Сельскохозяйственном учёном комитете, научным сотрудником Физико-математического отделения Академии наук Украины. Судя по тому, что Сергею Ивановичу удалось в то время организовать приморские заповедники, которые существуют поныне, он обладал к тому времени не только достаточными биологическими знаниями и лекторскими способностями, но и неплохими организаторскими способностями. Хотя жизнь и трепала молодого человека, но всё же благоприятствовала в продвижении по намеченной стезе. Любовь

к природе, увлечённость птицами, стремление познать их и передать знания другим, делали свое дело. Главную роль играло самообразование. Книги были доступны, время для чтения молодой человек находил.

Летом 1923 года в Асканию-Нова приехала для изучения особенностей зарастания перелогов — заброшенных пахотных земель — Л.Н.Тюлина, выпускница Стебутовских высших женских сельскохозяйственных курсов в Петрограде (позже Петроградская сельскохозяйственная академия имени И.А.Стебута). Несмотря на революцию и гражданскую войну, Людмила Николаевна успешно закончила курс высшего учебного заведения и получила диплом, открывающий перед ней широкие исследовательские возможности. Она была эрудированным и целеустремлённым молодым специалистом, ученицей академика В.Н.Сукачёва. Тематика её исследований была близка к интересам в орнитологии Сергея Ивановича. Молодые люди сблизились. Всё способствовало его переезду в Петроград: и пример подруги, и товарищеские отношения с орнитологами Зоологического музея. К тому же, в Петрограде можно было закончить давно начатое в Москве университетское образование.

В декабре 1923 года Сергей Иванович едет в Петроград, чтобы закончить своё высшее образование и в результате обосновывается там постоянно. При отъезде из Аскания-Нова руководство заповедником поручило ему передать Сельскохозяйственному учёному комитету Наркомпроса предложение организовать в заповеднике Акания-Нова опытный участок по селекции и сортоизучению, а также заключить с Петроградским зоологическим садом договор об обмене животными. Передавая поручения, Снигиревский познакомился в учёном комитете с профессором Н.И.Вавиловым, а затем и с сотрудниками зоосада, где и стал работать. Здесь вместе с М.М.Соловьёвым они подготовили и издали в 1925 году брошюру “Ленинградский зоологический сад”.

В Зоологическом музее сложились хорошие отношения с академиком П.П.Сушкиным. Как считал Сергей Иванович, благодаря этому общению он и стал научным работником. “Мои научные интересы лежат в области тех проблем, которые объединяются под названием зоогеографических,— писал С.И.Снигиревский,— Это направление, к которому меня подготовили работа и книги, было осознано благодаря П.П.Сушкину”. И в 1947 году: “За встречу с Сушкиным я должен благодарить судьбу. И всю жизнь буду чтить память этого замечательного исследователя”. Дружба с талантливыми орнитологами Борисом Карловичем Штегманом и Леонидом Михайловичем Шульпиным сохранилась на всю жизнь.

Круг интеллигенции в Петрограде был довольно узкий, знакомства проходили просто. Да и сам Сергей Иванович и по воспитанию, и по характеру, и по широте взглядов, даже по внешности “соответствовал питерским нормам интеллигента”. Устроиться в Петербурге, войти в круг широко известных зоологов академических институтов помогли ещё Людмила Николаевна и Константин Михайлович Дерюгины. После организации в 1919 году Петергофского биологического института, К.М.Дерюгин в 1923-1929 гг. заведовал в университете кафедрой зоологии позвоночных. Он принял Снигиревского лаборантом и поручил ему составить каталог коллекции птиц зоологического кабинета университета. Это дало возможность Сергею

Ивановичу познакомиться со многими новыми видами птиц. Кроме того, он успел поработать сотрудником научно-популярного журнала, водил и организовывал экскурсии в Леноблполитпросвете, даже преподавал материаловедение в фабзауче “Скороход”.

Июль-август 1924 года Сергей Иванович провел в низовьях Шелони в Старорусском районе Новгородской области (станция Шимск), где Л.Н.Тюлина работала научным сотрудником Княжедворской сельскохозяйственной опытной станции. Людмила Николаевна провела там свою первую серьёзную работу по генезису и эволюции аллювиальных растительных ассоциаций на островах, подверженных продолжительному весеннему паводку. Снигиревский занимался птицами, которые были там ещё слабо изучены. Сводка по птицам Новгородской области, опубликованная В.Л.Бианки в 1910 г. и дополнение к ней в 1915 г., нуждались в продолжении работ. В 1926 г. Сергей Иванович опубликовал свои наблюдения о 12 видах птиц: чёрном коршуне, осоеде, большом пёстром дятле и 9 видах воробьиных (подробно о коршуне и снегире), дополняющие данные Бианки. Эта заметка вышла в свет на Украине.

Завершение высшего образования заняло у Сергея Ивановича немногого времени. Экзамены он сдал экстерном, и в 1925 году диплом Ленинградского университета был получен. В это время он вступает в Географическое общество, а членом Московского общества испытателей природы он уже был. Теперь можно было совместно с Людмилой Николаевной участвовать в экспедициях Академии наук и Географического общества. Первая экспедиция была на Репетекскую станцию по изучению песков, в пустыню Каракумы. Собранные там материалы С.И. обработал в Зоологическом музее. По экземплярам привезённой из экспедиции коллекции он описал новую форму славки-завиушки, названную им *Sylvia curruca turkmenica*. Её описание и другие материалы, собранные в Каракумах, вышли в свет в 1927-1929 годах в Германии. Кроме того, маленькая заметка на немецком языке увидела свет в “Трудах Ленинградского общества естествоиспытателей”.

Возможности публикации у Сергея Ивановича были ограниченные. Периодических изданий было мало, тематических — тоже, труды различных совещаний не могли восполнить этого недостатка. Приходилось использовать региональные популярные журналы. Например, если материалы по причерноморским птицам в “Украинском зоологическом журнале” и журнале “Природа и охота на Украине” в 1922-1925 гг. были естественны, то публикация сведений о птицах Новгородской губернии во втором из названных журналов в 1926 г. — явно вынужденная. Использовал он, как сказано, и немецкие журналы “Ornithologische Monatsbericht” и “Journal für Ornithologie”, что было легко сделать при знании нескольких европейских языков. Тогда публиковаться в иностранных журналах было ещё можно.

Полностью работа по ревизии географических форм славок-завиушек *Sylvia curruca* была произведена немного позже. Снигиревский просмотрел 656 экземпляров этих славок в коллекции Зоологического музея АН и в других коллекциях Ленинграда и Москвы и разделил вид на две группы: европейско-сибирскую (экологические условия относительно однообразные — 2 подвида) и центрально-азиатскую (экологические условия крайне мозаичные — 7 подвидов). В последнюю группу вошёл ранее описанный

им подвид *turkmenica* и ещё один, который он выделил при обработке коллекционного материала,— *jaxartica*. С тех пор сложная систематика надвидового комплекса форм, в котором выделяют до 3 самостоятельных видов: *S. curruca*, *S. althaea* и *S. minula*,— много раз существенно пересматривалась, и описанные Снигиревским формы то сводились в синонимы, то восстанавливались. В последней сводке Л.С.Степаняна (2003) в качестве отдельного таксона в ранге подвида сохраняется одна из этих форм — *Sylvia curruca jaxartica* Snigirewski, 1929.

В 1926 году Сергей Иванович поехал от Зоологического института на Южный Урал, где в октябре они с Людмилой Николаевной стали работать в Ильменском заповеднике. Там Сергей Иванович вначале был научным сотрудником, а вскоре и заведующим научной частью. Снигиревский вырос в признанного специалиста, который не только вдохновенно работал в поле, но и быстро на современном ему уровне обрабатывал собранный материал в камеральных условиях. Он стал обычным “прикомандированным” сотрудником в Зоологическом институте, используя его богатейшие коллекции и библиотеку. Кроме того, у него были хорошие организаторские способности, вследствие чего его не только назначали руководителем соответствующих научных отделов, но и посылали, как мы увидим в дальнейшем, создавать новые научные структуры, что он успешно выполнял.

Постоянно выезжая в экспедиции и работая в заповеднике, Сергей Иванович и Людмила Николаевна на зиму возвращались домой, в Ленинград. Однако руководящая должность в Ильменском заповеднике задерживала С.И. в нём на станции Миас. В 1927 году в связи с десятилетним юбилеем Советского государства заповедник готовил сборник статей с результатами научных работ. Л.Н.Тюлина собрала к этому времени обширный материал по растительности от нижних предгорий Южного Урала до его вершин и смогла обработать его в Ленинграде. Она дала в сборник описание эволюции растительности восточных предгорий Урала. В свою очередь, Сергей Иванович анализировал историю фауны птиц Южного Урала. Каждый из них занимался эволюцией живой природы по своей специальности, и они, конечно, помогали друг другу. Живя в Миасе, С.И. подготовил для юбилейного сборника орнитогеографический очерк Ильменского заповедника. Полноценная систематическая обработка собранной коллекции птиц была там невозможна, а времени провести её в Ленинграде не было. Пришлось отложить окончательную обработку на потом, а пока дать список птиц и орнитогеографическую характеристику края, а также описание сезонных изменений в жизни птиц и размещения их по шести ландшафтам. Смена ландшафтов от предгорий, покрытых южной тайгой, до лесостепи происходила здесь на небольшом расстоянии в долготном направлении. Все ландшафты были значительно изменены человеком. Написанная работа была опубликована отдельным изданием в 1929 году.

Материалы же по истории фауны птиц Южного Зауралья в 1928 году пришлось представить в краткой форме в Трудах Третьего Всероссийского съезда зоологов, анатомов и гистологов. В них Сергей Иванович пишет о больших опустошениях, которые произвёл ледниковый период, о сохранившейся до нашего времени бедности фауны и о далеко к югу встречающихся тундровых видах.

Зимой 1927 года Снигиревский начал сотрудничать в Союзе по производительным силам Академии наук при Госплане (СОПС АН СССР), при этом продолжая работать в Ильменском заповеднике. Так дальше и шло до 1932 года: пока в заповеднике не было постоянных сотрудников, исследования проводили сотрудники академических экспедиций по Южному Уралу. В 1928 и 1929 годах С.И. возглавлял зоологический отряд Башкирской экспедиции Академии наук. Зоологическая программа была разработана при непосредственном участии П.П.Сушкина, который раньше работал в западной части Башкирии. Главная цель отряда заключалась в определении “производительных сил” республики — выяснении распространения и трофических связей важнейших видов. Постоянной базой отряда был Ильменский заповедник. Выяснив видовой состав и размещение млекопитающих и птиц, проанализировав их заготовки, Сергей Иванович определил главные промысловые виды и на основании динамики их количества в заготовках высказал предложения по организации стационарных наблюдений за численностью наиболее ценных видов. Кроме того, было произведено зоогеографическое деление Башкирии (Снигиревский 1928, 1929)

Сергей Иванович Снигиревский стоял у истоков заповедного дела в Советском государстве. Как и многие другие учёные, он считал, что наука должна использовать сохранение природы в заповедниках для познания естественных условий существования и взаимоотношений элементов органической и неорганической природы, изучать её неизменённые человеком физико-географические комплексы. Первой задачей научной работы в заповедниках он считал стационарные комплексные исследования ландшафтов, которые подвержены эволюции. Под ландшафтом же понимал комплекс, в котором сливаются в гармоничное целое рельеф, климат, почвы, растения и животные. Птицы, как и всё остальное, являются равноправным элементом ландшафта. Их изучение начинается с выяснения видового состава орнитоценоза и его распределения по территории, после чего наступает очередь выяснения их взаимосвязей с другими элементами ландшафта. Причём материалы, полученные в заповеднике, должны сравниваться с тем, что делается на соседней, не охраняемой территории.

Предполагалось, что в заповедниках надо организовать комплексные исследования. В 1927-1930 годах при Кавказском заповеднике находилась Комплексная естественно-историческая станция. Главная геофизическая обсерватория создала Комиссию по “изучению заповедников в метеорологическом отношении”. Для согласования работы Комиссии со специалистами заповедников метеорологи провели в ноябре 1929 г. заседание, на которое пригласили и Сергея Ивановича. А в сентябре 1929 г. он участвовал в съезде по охране природы, состоявшемся в Москве.

Постоянно публикует Сергей Иванович отчёты по результатам орнитологических работ в экспедициях и различные заслуживающие внимания наблюдения. В 1929 г. академик М.А.Мензбир пригласил его в аспирантуру Академии наук по кафедре зоологии и дал весьма положительный отзыв о его работе. Академик писал, что С.И.Снигиревский “очень интересуется систематической зоологией, особенно птиц, и зоологической географией”. Он характеризовал его как специалиста с “несомненной любовью к делу”, который вырастет в “серьёзного работника фауниста” (Архив АН СССР...).

Он много лет работал в экспедициях и заповедниках, собрал орнитологическую коллекцию более чем из 2000 экз., обработанную им в Зоологическом музее АН, и знаком с несколькими европейскими языками.

Однако от аспирантуры Сергей Иванович отказался. Не будучи постоянным штатным сотрудником научного учреждения, ему периодически приходилось заботиться о материальном обеспечении и соглашаться на разные предложения, дающие возможность заработать. К сожалению, обычно работа была недолговременной. И так продолжалось постоянно. Вот и в 1930 и 1931 годах он руководил промыслово-биологическим отрядом Башкирской экспедиции, в котором участвовали С.А.Северцов, выпускница географического факультета Ленинградского университета териолог Е.М.Вакуленко и другие. Работа была рассчитана на 2 года. Небольшой, но состоящий из энергичных исследователей отряд собрал интересный материал. Отчитываясь за экспедицию, Сергей Иванович отметил большое разнообразие охот-промысловой фауны и её нерациональное использование. Территорию Башкирии он разделил на пять естественных районов: западный лесостепной, широколиственный, таёжный, восточно-лесостепной и сухой степной.

Разойдясь к тому времени с Л.Н.Тюлиной, Сергей Иванович вскоре женился на Екатерине Михайловне Вакуленко. Она родилась в 1906 году в Екатеринбурге и выросла в Уфе в семье известного хирурга М.В.Вакуленко, одним из первых начавших оперировать на сердце. В 1932 году молодые уехали в Алма-Ату работать в Казахском филиале Академии наук, где С.И. был назначен заведующим сектором зоологии. Туда же был направлен на работу Л.М.Шульгин и другие специалисты из академических институтов. Советское государство развивало науку и культуру в Казахстане и Среднеазиатских республиках. По дороге молодые остановились в Уфе у родителей Евгении Михайловны. Там у молодых родился первенец — дочь Наташа, и дальше молодые поехали втроём.

В Казахстане полевые работы проводились в Алма-Атинском заповеднике, в Джунгарском и Заилийском Алатау, где ещё бывало неспокойно. Собранные материалы о зверях и птицах требовали обработки в Зоологическом институте в Ленинграде, куда молодые супруги и вернулись осенью 1934 года. Здесь был дом, постоянная квартира на Большой Посадской улице Петроградской стороны. Приходили знакомые, среди которых было немало известных людей.

Л.Н.Тюлина в 1931 году перешла на работу в Арктический институт и уехала в экспедицию на Анадырь, а потом на Таймыр. После этого она продолжила полевую работу в разных районах Сибири: от Урала до Камчатки и до верховьев Алдана на юге. Её интересовала история формирования в голоцене растительного покрова, в частности динамика границы лесов и лугов, взаимоотношение древесных пород при естественном и антропогенном воздействии. В 1939-1944 годах она работала в Баргузинском заповеднике. В 1946 г. без защиты ей была присвоена учёная степень кандидата биологических наук, а в 1966 г. она защитила докторскую диссертацию. Ботаники, отмечая 90-летний юбилей Людмилы Николаевны, как всегда бодрой и доброжелательной, чтили её за тщательность и масштабность проделанного базового описания растительности Сибири. Совершая многочисленные экспедиции по Сибири, она постоянно возвращалась в свою

ленинградскую квартиру, бывала в семье Сергея Ивановича. Скончалась Людмила Николаевна в 1991 году.

Устроиться в Ленинграде на постоянную исследовательскую работу Сергею Ивановичу не удавалось. Опять пришлось совмещать обработку привезённого материала в Зоологическом институте с заведованием отделом птиц в Ленинградском зоологическом саду, соглашаясь на выездные работы в разные места нашей обширной страны. В 1935 году появилась возможность принять участие в экспедиции отдела землеустройства Крайнего Севера Наркомзема РСФСР на побережье Охотского моря, в Охотско-Аянский район. Кроме летней работы, там предполагалась зимовка, позволяющая проследить за зимней жизнью оседлых птиц. Орнитологическую работу предстояло совместить с составлением карты растительности и заняться охотовустройством. Всё это удачно совмещалось с интересом Сергея Ивановича к экологии тетеревиных птиц, давало возможность собрать материал по особенностям жизни их восточных видов и подвидов. Приспособления к суровым экологическим особенностям жизни тетеревиных птиц на востоке значительно отличались от европейских. В дальнейшем полученные материалы вошли в кандидатскую диссертацию как составная часть биономического описания семейства тетеревиных.

После возвращения в 1936 году в Ленинград, помимо работы в Зоологическом институте по обработке собранного материала, Сергей Иванович взялся устроить охотничьи угодья в ельниках Кингисеппского района Военно-охотничьего общества. Для характеристики условий работы в те годы приведу краткие выдержки из заключённого с ним договора. Например: “Охотстроитель ... обязан проработать один месяц непосредственно в самом охотхозяйстве и построить свои маршруты ... с таким расчётом, чтобы все участки хозяйства были им лично обследованы. <...> На время работ охотстроителю выдаётся специальное снаряжение (бинокль, фотоаппарат) и канцелярские принадлежности...”

И снова Дальний Восток, где Сергею Ивановичу предложили занять пост заведующего зоологическим сектором Дальневосточного филиала Академии наук. Кроме других дел, он рассчитывал провести исследования на Сахалине. Однако эта работа оказалась непродолжительной. Уже в следующем, 1939 году филиал был ликвидирован. На Сахалин попасть так и не удалось. Несмотря на краткие сроки, администрация Академии успела использовать скоротечное существование Дальневосточного филиала, чтобы представить С.И. Снигиревского и ещё четырёх научных сотрудников филиала к присвоению им учёного звания “старший научный сотрудник”. Положительный отзыв о работе Сергея Ивановича прислали профессор Зоологического музея Московского университета Г.П. Дементьев и заведующий сектором экологии Харьковского зоолого-ботанического НИИ профессор Л.Б. Волчанецкий. В феврале 1939 года решение Президиума Академии наук о присвоении всем пятерым звания “старший научный сотрудник” состоялось. Однако из-за того, что Сергей Иванович не подготовил необходимых документов для оформления этого решения, выдача ему соответствующего аттестата затянулась на многие годы.

После Дальнего Востока С.И. вернулся в Поволжье-Южный Урал вначале научным сотрудником Башкирского заповедника, а с мая 1941 г. стал

руководить научным отделом Куйбышевского (Жигулёвского) заповедника. Во время войны он выполнял обязанности директора заповедника и заведующего метеорологической станцией. В связи с массовым размножением непарного шелкопряда, от которого очень страдали леса, поступило правительственные задание по разработке мер борьбы с ним. Пришлось возглавить эту работу. Объект и направление исследований были интересными и перспективными, хотя и далёкими от любимых птиц, которыми занимался М.И.Зябрев. Сергею Ивановичу помог широкий кругозор, привычное понимание исследуемых объектов как членов ландшафта, связанных с другими его элементами и зависящих от них, биоценотическое видение природы. Таким образом, новым по сути был только объект изучения и его экологические связи, а не принципиальное видение, не методический подход к решению задачи. В частности, С.И. организовал лабораторное исследование паразитирования на гусеницах непарного шелкопряда одного из видов наездников и его искусственное разведение. В то же время энтомологическая работа значительно углубила и расширила кругозор Снигиревского, дала много нового для понимания вопросов общей биологии.

В январе 1944 года Снигиревский пишет в Совет народных комиссаров РСФСР, что массовое размножение непарного шелкопряда в 1943 г. нанесло значительный ущерб лесу. Биология непарного шелкопряда изучена далеко не достаточно и для того, чтобы выработать способы борьбы с ним, необходимо принять серьёзные меры. С.И. предложил создать при Совнаркоме РСФСР комиссию по изучению непарного шелкопряда и изыскания мер борьбы с ним. В состав комиссии он предлагал включить представителей Наркомзема, Наркомлеса, институтов академии сельскохозяйственных наук и Академии наук, Главного управления лесоохраны и лесонасаждений и Главного управления по заповедникам, а также биогеохимиков школы академика Вернадского. В письме предлагалась также последующая детализация организации и работы комиссии. Реакция Совета народных комиссаров осталась неизвестной.

После окончания войны, в 1945 году Сергей Иванович сразу вернулся в Ленинград, оставив семью в заповеднике. Дочери были ещё невелики, но и не крошки. Наташа уже во время войны стала помощницей. Немного подросла и вторая дочь, Екатерина, родившаяся в 1939 году. Екатерина Михайловна, будучи научным сотрудником заповедника, с головой ушла в науку.

К счастью, квартира в Ленинграде на Большой Посадской сохранилась во время блокады, хотя, конечно, обе комнаты были заняты. С.И. пришлось заниматься их возвращением, что и удалось сделать, хотя не без обидных потерь. Одной из них была потеря научной библиотеки, которую во время блокады попросил у соседки на "сохранение" Л.А.Портенко, оставленный в Ленинграде для сохранения фондов Зоологического института во время блокады. После войны книги так и не вернулись к хозяину.

Приехав в Ленинград, Сергей Иванович Снигиревский устроился лаборантом-экскурсоводом в Зоологический институт и смог заняться диссертацией. В 1947 г. рукопись диссертации состояла из предисловия, краткой характеристики семейства, систематики и распространения тетеревиных СССР, описания их линьки, питания, "принадлежности географическим аспектам", динамики численности, а также заключения, списка литературы

и карт видовых ареалов, всего более 400 страниц. Официальные отзывы дали Е.В.Козлова-Пушкарёва и А.Я.Тугаринов. Первый рецензент отметила целостную картину жизни тетеревиных в ландшафте, элементом которого они являются и вместе с которым эволюционируют. В этом она видела главный интерес и целостность работы. Дальше Елизавета Владимировна обратила внимание на детальнейшее описание линьки тетеревиных птиц, сделанное диссертантом вплоть до подвидов, а в некоторых случаях даже до популяций. Она также подчеркнула ценность эколого-биологического подхода к изучению отдельных групп птиц, что тогда было ново. Второй рецензент подчёркивал ценность обобщённой биономической характеристики семейства тетеревиных. “По своему характеру диссертация ... получилась исчерпывающей сводкой”, — писал он. Далее Тугаринов, как принято, на 6 страницах указывал на “некоторые слабые стороны и недочёты работы”.

Зашита состоялась 16 октября 1947 г. в Учёном Совете Зоологического института. К сожалению, рукопись диссертации не была опубликована, а автореферат не получил широкого распространения. В результате в коллективной монографии “Тетеревиные птицы. Размещение запасов, экология, использование и охрана”, изданной в 1975 г. Институтом географии АН СССР в серии “Промысловые животные СССР и среда их обитания”, работа С.И.Снегиревского по этой группе птиц даже не упоминается, что привело к дополнительной работе авторского коллектива.

Ко времени защиты диссертации С.И. работал в Арктическом институте, где освободилась должность научного сотрудника. Вскоре после утверждения Высшей аттестационной комиссией присуждения ему кандидатской степени, Снегиревский получил в июле 1948 г. и аттестат старшего научного сотрудника, решение Президиума АН о присуждении которого состоялось ещё 15 февраля 1939 г., когда он работал в Дальневосточном филиале Академии наук. Оформление этого решения Высшей аттестационной комиссии и получения аттестата состоялось через 9 лет!

В Арктическом институте С.И.Снегиревскому поручили монографическое описание северных птиц. Требовалось современное подведение итогов на основании богатых материалов, собранных за последние 25 лет на станциях Арктического института и различными экспедициями. Последняя сводка Ф.Д.Плеске (Pleske Th. 1928. Birds of the Eurasian tundra. Boston) была написана в основном на опубликованных сведениях и материалах дореволюционных полярных экспедиций. Сергей Иванович собирался обработать имеющиеся коллекции и архивы не только в Арктическом институте и в других институтах СССР, но и в государствах Скандинавии и Канаде, не говоря уж о публикациях. Обработка всего накопленного северными странами массива данных должна была, по мнению С.И., значительно изменить представление о составе, распределении и биологии птиц Арктики, позволить осветить историю её фауны. Представленный план работы поражает своей грандиозностью и детализацией. Его выполнение Снегиревский расписал по месяцам до конца 1949 года.

С севером были связаны хорошие знакомые. Анализируя материалы по питанию птиц, С.И. часто обсуждал их с Б.А.Тихомировым. Борис Анатольевич посвятил Арктике многие годы, хорошо знал северные растения и их распространение. Анализируя остатки растений из желудков птиц, можно

было делать предположения о том, где птицы останавливались на кормёжку во время сезонной миграции. Сходную методику — анализ гастролитов из желудков птиц — успешно применил Ю.А.Исаков (1955) при изучении миграции птиц, останавливающихся в дельте Волги.

Несмотря на большие трудности послевоенных лет, работа С.И. успешно продвигалась и в 1949 году представляла собой рукопись объёмом около 30 печатных листов*. Однако вместо того, чтобы стать докторской диссертацией автора, она легла на полку не использованной, т. к. не удалось её опубликовать целиком, а по частям С.И. не согласился. Не исключено, что защита по этой рукописи осложнялась тем обстоятельством, что выполненное исследование заключалось в обработке коллекционных и архивных материалов. И хотя выполнение этой непростой работы — дело всегда очень нужное и требующее высокой квалификации исполнителя, для диссертации она мало подходит. Так, с подобным решением Учёного совета Института эволюционной физиологии и биохимии им. И.М.Сеченова в 1960-х годах столкнулась В.В.Рольник, написав объёмистую сводку о биологии эмбрионального развития птиц, используя не только свои исследования, но главным образом обширные материалы мировой литературы.

С Институтом Арктики Сергею Ивановичу пришлось расстаться вследствие сокращения штатов.

После ухода из жизни А.Н.Промптона Снигиревский перешёл в 1950 г. в Институт эволюционной физиологии и патологии высшей нервной деятельности (Институт физиологии) имени академика И.П.Павлова. 2 ноября 1949 г. он писал Л.А.Орбели, что “наблюдения над образом жизни птиц остаются какими-то незаконченными, необъяснёнными, не связанными с условиями существования. По сравнению с исследовательской работой в области экологии, исследовательская работа в области физиологии нервной системы — является более высокой и глубокой. Направление работы А.Н.Промптона очень перспективно, и мне хотелось бы,— писал Сергей Иванович,— попытаться продолжить начатую работу в том же духе. Но может быть только несколько расширить круг объектов, ... завести куриных ... в том числе домашних и соответственно “диких”, ... иметь набор птиц выводковых и птенцовых...” К тому времени у С.И. сложились хорошие отношения с физиологом А.Д.Слонимом. Работа начала развиваться, но возникли сложности во взглядах с новой дирекцией института.

В результате С.И.Снигиревский принял в 1953 году предложение перейти во вновь созданный Агробиологический институт Башкирского филиала АН СССР, где возглавил сектор зоологии. Здесь опять пришлось заняться большой и уже знакомой проблемой — вспышками массового размножения насекомых-вредителей леса. Новый подъём численности непарного шелкопряда растянулся с 1952 до 1955 г. Сергей Иванович стал руководителем темы. Кроме него, был ответственный исполнитель и шесть исполнителей. Занимались не только самим вредителем, но и его паразитическими энтомофагами (выявили десятки видов их), а также физиологическими особенностями деревьев, которых поражали насекомые-вредители. Кроме того, от С.И. требовали подготовки местных научных кадров, что он

* Найти ее в архивах Академии наук в Санкт-Петербурге не удалось.

успешно делал, совершенствуя знания своих помощников. Однако обстановка в институте была нервная, и здоровье начало подводить.

После второго инфаркта в ноябре 1955 года Сергея Ивановича не стало.

В последние годы жизни С.И.Снигиревский писал в автобиографии: “В течение 1912-1947 лет я был связан своей работой с двумя научными учреждениями — Академией наук СССР и заповедниками. За это время я провёл на полевой работе больше 150 месяцев, т.е. больше 12 лет, участвовал в 10 экспедициях в качестве научного сотрудника или начальника. Немало времени отдано организационной работе в заповедниках и в двух филиалах Академии наук, особенно в Казахстанском”.

И ещё: “Я много ездил, довольно много писал, но мало печатался. Последние 20 лет я готовил несколько больших работ, которые казались мне интересными и нужными, требовали большого напряжения и всего времени <...> При моральной поддержке товарищеской по специальности ... при значительной выносливости ... и при наличии некоторого опыта в работе, я надеюсь выполнить намеченный план”. Последнее было написано им в 1947 году.

Екатерина Михайловна с младшей дочерью переехала в Ленинград в 1952 году и стала работать в Зоологическом институте АН СССР. В 1954 году она успешно защитила кандидатскую диссертацию на тему “Экология и хозяйственное значение мышевидных грызунов в широколиственных лесах Жигулёвской возвышенности”. Материалом для неё послужили сборы 1949 и 1950 годов. Кроме того, она публиковала ценные материалы о фауне млекопитающих и их охране в связи с добычей нефти и дорожным строительством в Жигулях. В 1991 году в бюллетене “Самарская лука” (№ 2) вышла её большая обзорная статья о историко- и экономико-биологической ценности природы Жигулёвского заповедника, что показано флористами, геоботаниками, герпетологами и териологами, а также данными спорово-пыльцевого анализа. Важную часть статьи занимал интересный материал Екатерины Михайловны, полученный ею во время работы в заповеднике.

Эта тема многие годы интересовала Сергея Ивановича, и он неоднократно писал о истории населения птиц и других животных в районе Южного Урала - Средней Волги. Например, неизданная рукопись “Заметки по географии Жигулёвских гор (основные растительные формации, их птицы, к истории ландшафтов)”. Таким образом, статья Екатерины Михайловны — это не только убедительное выступление в защиту уникального природного района, но и светлая память о Сергееве Ивановиче.

Я очень благодарен Наталии Сергеевне Снигиревской, дочери Сергея Ивановича, которая предоставила мне материалы из семейного архива, на основании которых написан очерк, и взяла на себя труд критически прочесть рукопись. Без её помощи этот очерк не был бы написан.

Использованная литература

- Котов М. 1922. 1-ая сессия Асканийского Комитета // *Наука на Украине* 4: 370-372.
Рибергер Г. 1925. Сведения о кольцевании птиц в Аскании-Нова с 1907 - 1923 год // *Укр. охотник и рыболов* 2: 16-17.
Савченко Я., Котов М. 1922. О предстоящем созыве 1-ой сессии Асканийского Комитета // *Наука на Украине* 3: 253-254.

- Снигиревская Е.М. 1954. Экология и хозяйственное значение мышевидных грызунов в широколиственных лесах Жигулёвской возвышенности. Автореф. дис. ... канд. дис. Л.
- Снигиревская Е.М. 1991. Ещё раз об охране природы Жигулей // Бюллетень "Самарская лука". № 2. Самара: 4-18.
- Снигиревский С.И. 2004. Автобиография // Рус. орнитол. журн. 13 (259): 376-382.
- Степанян Л.С. 2003. Конспект орнитологической фауны России и сопредельных территорий (в границах СССР как исторической области). М.: 1-808.

Библиография трудов С.И. Снигиревского

1912

- Ст. Лаптево, М.-К. ж.д. // Любитель природы. Корреспонденция. № 5: 157-158.
- Ст. Лаптево, М.-К. ж.д. // Любитель природы. Корреспонденция № 6, 7: 221.
- Ст. Лаптево, М.-К. ж.д. // Любитель природы. № 8, 9: 267.

1913

- Дрозды северо-западной части Тульской губернии // Любитель природы № 11: 337-342.
- Список синиц Тульской губернии // Любитель природы № 3: 102-104.

1914

- К вопросу о сельско-хозяйственном значении воробья // Любитель природы № 2: 63-64.

1922

- Некоторые наблюдения над птицами в Причерноморских степях. Мелкие заметки // Укр. зоол. журн. № 1: 1-62.

- Отчёт об орнитологической работе Степной станции "Аскания-Нова" // Тр. 1-й сессии Асканийского комитета при НКЗ Украины № 1: 32-45.

1923

- (Снігиревський С.) Список птахів, яки спостерігалися на островах Сиваша — Петрівка і Уаган-Тугай з 13 по 15 травня 1922 р. // Укр. зоол. журн. № 2: 9-10.

1924

- Заметка о современном положении "Государственного степного заповедника им. Раковского" (б. Аскания-Нова) // Ленингр. охотник и спортсмен № 1: 38-39.

- Кольцевание птиц // Ленингр. охотник и спортсмен № 1: 26-29.

- Пернатые друзья // Ленингр. охотник и спортсмен № 1: 29-31.

1925

- О некоторых редких птицах Днепровского уезда Таврической губернии // Укр. охотник и рыболов № 8: 19-22.

1926

- Заметка о птицах Новгородской губернии // Укр. охотник и рыболов № 2: 24-25.

1927

- К систематике и распространению *Rallus aquaticus* L. // Uragus № 3 (кн. 4): 9-10.

- О некоторых птицах из Закаспия // Тр. Ленингр. о-ва естествоисп. Отд. зоол. 57, 1: 77-78 [2-е изд.: Рус. орнитол. журн. 13 (255): 248-249].

- (Snigirewski S.) *Sylvia curruca turkmenica* subsp. nova // Ornithol. Monatsber. 35, 3, 1: 35-37.

- (Snigirewski S.) Über einige Vogelarten aus Transkaspien // Тр. Ленингр. о-ва естествоисп. Отд. зоол. 57, 1: 78.

1928

- Заметки о птицах Северного Казахстана // Отчёт АН СССР об экспедициях и командировках.

Заповедники — пункты стационарных комплексных исследований ландшафтов // *Tr. 3-го Всерос. съезда зоол., анат. и гистол.* Л.

К истории орнитофауны Ю. Зауралья (гл. обр. Ильменского) // *Tr. 3-го Всерос. съезда зоол., анат. и гистол.* Л.: 91-93.

Чем могут помочь краеведы Зоологическому отряду Башкирской экспедиции Академии наук // *Бюл. Башкир. обл. бюро краевед.* № 2: 7-8.

(Snigirewski S.) Beiträge zur Avifauna der Wüste Kara-kum (Turkmenistan) // *J. Ornithol.* 76, 3: 587-607.

1929

Зоологический отряд // *Отчёт о командировках и экспедициях АН в 1928 г.*: 151-153.

Орнитогеографический очерк Ильменского государственного заповедника. Златоуст (4): 1-34.

(Snigirewski S.). Übersicht der Formen von *Sylvia curruca* (Linn.) // *J. Ornithol.* 77, 2: 252-261.

1930

Зоологический отряд. (Башкирская АССР) // *Отчёт о командировках и экспедициях АН СССР в 1929 г.*: 114-117.

1931

(Snigirewski S.) Zur Verbreitung der Vögel in südlichen Ural-Gebirge und neue Unterarten aus dieser Gegend // *J. Ornithol.* 79, 1: 57-66.

1932

Промыслово-биологический отряд // Экспедиции Всесоюзной АН. 1931. Л.: 222-227.

1933

Работы Зоологического отряда Башкирской экспедиции // *Сб. СОПС Академии наук. Экспедиции.* Л.: 222-227.

1934

Обзор птиц Алма-Атинского заповедника (резюме) // Бюл. КазФАН СССР 1. [По: *Птицы Казахстана 5*, 1974].

1947

Орнитологическая экскурсия в широколиственные леса западных предгорий Южного Урала // *Tr. Башкирского заповедника* 1: 69-86.

Орнитологические наблюдения в горной тайге Южного Урала // *Tr. Башкирского заповедника* 1: 87-109.

1950

Линька тетеревиных (сем. Tetraonidae, отр. Galliformes) // *Сб. Памяти академика П.П. Сушкина.* М.; Л.: 215-236.

1951

Куйбышевский государственный заповедник // *Природа Куйбышевской области.* Куйбышев: 363-384.

Рукописи, сданные в печать (указанные организации не гарантированы)

Заметки о линьке куриных. 1932. Ильменский гос. заповедник. 2 п.л.

Краткий обзор орнитофауны Заилийского Алатау в районе Алмаатинского заповедника. 1933. Алмаатинский гос. запов. 1.5 п.л.

Материалы по птицам Южного Урала. 1932. Ильменский гос. заповедник. 4 п.л.

Обзор охотничье-промышленных животных Кингисеппского охотхозяйства. 1937. ВВОО Ленинградский отдел. 1.5-2 п.л.

Отчёт по теме: "Условия развития массовых размножений главнейших вредителей лесных насекомых и меры борьбы с ними в Башкирской АССР" за 1955 год. 1956. Уфа. 164 стр. + 3 приложения. Библиотека ЗИН РАН.

Охотничье-промышленная фауна Аянского района. 1936. ДВ Краевое Земское Управление. 5 п.л.

Очерк промысловых птиц и зверей Башкирии. 1940. АН СССР, СОПС. 4 п.л.

Птицы Южного Урала. 1940. Гл. упр. по заповедникам. 26 п.л. Архив РФ, Москва, фонд 358, оп. 4, печатный вариант — д. 173120 и рукописный — д. 172.

Специализация зимнего питания и оседлость северных лесных птиц. 1937. Изд. АН СССР. 1 п.л.

Экологический очерк орнитофауны тайги Южного Урала. 1940. 3 п.л.

Экологический очерк орнитофауны широколиственных лесов Южного Урала. 1940. 3 п.л.

Рукописи законченные, но не сданные в печать

Географическая изменчивость *Tetrao urogallus* Linn. 1930. 1 п.л.

Заметки по географии Жигулёвских гор (основные растительные формации, их птицы, к истории ландшафтов). 1945. 2 п.л.

К распространению хвойных лесов на Дальнем Востоке (Аянский район). 1938. 1.5-3 п.л.

Куриные СССР. 1934. 12 п.л.

Массовое размножение непарного шелкопряда на Самарской Луке в 1943 и 1944 гг. (научный отчёт). 1945. 4 п.л.

Наблюдения над ореховкой. (*Nucifraga caryocatactes*) в разных районах СССР. 1945. 1.5-2 п.л.

Орнитологические наблюдения И.Г.Вознесенского в 1845-1846 гг. в Аянском районе (по архивным материалам). 1938. Около 0.5 п.л.

Орнитологические экскурсии в область озёр северного Казахстана в 1928 и 1929 гг. 1930. 2 п.л.

Описание черепов *Tetrao parvirostris*, *T. urogallus* и *Lyrurus tetrix*. 1930. 0.5 п.л.

Птицы Арктики. Рукопись АНИИ. 1949. Около 30 п.л.

Редукционная эмиграция в мире птиц (на примере *Nucifraga caryocatactes*). 1945. 0.5 п.л.

Примечание: Кроме того, есть несколько рукописей, которые окончательно не оформлены, но находятся в работе в настоящее время:

Эколого-географические обзоры некоторых птиц, как материал для истории лесных ценозов северного полушария.

Птицы Аянского района (Дальний Восток).

Тайга, её фауна и история.

Список составлен С.И.Снигиревским 7 декабря 1949 и хранится в Архиве АНИИ в Санкт-Петербурге (ул. Беринга, д. 38).

О взаимоотношениях обыкновенной кукушки *Cuculus canorus* с видами *Phylloscopus* на Северо-Западе России

Н.В.Лапшин

Институт биологии Карельского научного центра РАН,
ул. Пушкинская, д. 11, Петрозаводск, 1185035, Россия. E-mail: lapshin@krc.karelia.ru

Поступила в редакцию 21 ноября 2004

По оценкам А.С.Мальчевского и А.Д.Нумерова (Мальчевский 1958, 1987; Мальчевский, Нумеров 1981; Нумеров 1993), число видов-воспитателей обыкновенной кукушки *Cuculus canorus* на территории бывшего СССР составляет 110-114. Эти виды, в зависимости от частоты встречаемости в их гнёздах яиц или птенцов кукушки, предложено разделять на три группы. К группе основных воспитателей принадлежат горихвостка *Phoenicurus phoenicurus*, белая трясогузка *Motacilla alba*, зарянка *Erithacus rubecula* и дроздовидная камышевка *Acrocephalus arundinaceus*. На их долю приходится более 50% известных случаев паразитирования кукушки. К второстепенным воспитателям, включающим 25 видов (35% всех находок), в гнёздах которых яйца или птенцов кукушки находили сравнительно редко — от 10 до 20 раз, отнесены, в частности и пеночки: весничка *Phylloscopus trochilus*, трещотка *Ph. sibilatrix*, теньковка *Ph. collybita* и таловка *Ph. borealis*. Случайные хозяева представлены большим числом видов, но встречаемость в их гнёздах яиц или птенцов кукушки незначительна, всего около 15%.

На сегодняшний день по обобщённым данным (Нумеров 2003) список видов, в гнёздах которых найдены яйца или птенцы *C. canorus*, содержит примерно 300 видов из 27 семейств воробьиных Passeriformes. В новой редакции списка пеночки: весничка, теньковка, трещотка и таловка,— также относятся к видам, в чьих гнёздах яйца или птенцы обыкновенной кукушки найдены более чем в 10 случаях. В СССР (как исторической области) такого уровня достигает только весничка (26 случаев, причём 21 случай — в европейской части) и теньковка (соответственно, 18 и 12). В целом очевидно, что все пеночки, обитающие в СССР, играют весьма незначительную роль как воспитатели обыкновенной кукушки. Их доля как воспитателя варьирует от 0.12% до 1.03% случаев. Для некоторых не столь уж редких и явно доступных для паразитирования кукушки видов рода, например, зелёной пеночки *Ph. trochiloides*, такие факты вообще не известны (может быть потому, что эта пеночка ещё слабо изучена).

Занимаясь изучением пеночек на Северо-Западе России на протяжении более 30 лет, мы обследовали значительное число гнёзд этих видов (более 1100 у *Ph. trochilus* и по 130-150 у *Ph. sibilatrix*, *Ph. collybita* и *Ph. trochiloides*). В гнёздах веснички, теньковки и трещотки — наиболее обычных видов рода в нашем регионе — 11 раз находили яйца или птенцов *C. canorus*. Гнёзда с чужими яйцами чаще всего обнаруживали во время откладки яиц самкой—

хозяйкой (5 случаев), а также до откладки ею своего первого яйца (3 случая, причём однажды — в ещё недостроенное гнездо), или сразу после начала насиживания (2). В одном гнезде веснички был обнаружен уже подросший птенец кукушки. Гнёзда с чужим яйцом самки обычно бросали сразу же после начала непрерывного насиживания, т.е. чаще всего в первый день после завершения кладки. Отметим также, что нам лишь два раза удалось наблюдать кукушонка, выкармливаемого весничкой в гнезде и ни разу — слётка кукушки вне гнезда. Об удачном насиживании весничкой чужих яиц речь пойдет ниже. В разные годы с яйцами и птенцами *C. canorus* под наблюдением находилось 6 гнёзд веснички, 3 — теньковки и 2 — трещотки. Все обследованные нами яйца кукушек были крупнее, чем у пеночек, отличались по форме и цвету от яиц хозяина и больше напоминали по окраске яйца зяблика *Fringilla coelebs*.

Более подробное знакомство с литературой, где анализируются взаимоотношения кукушки с европейскими видами пеночек, в основном подтвердило наше мнение о том, что значение пеночек как воспитателей кукушки невелико, к тому же в подавляющем большинстве случаев птицы-хозяева бросают своё гнездо либо после подкладки яйца кукушкой, либо сразу после начала насиживания. Так, Г.Ширман (Schiermann 1927) среди 121 кладки певчих птиц с яйцами *C. canorus* лишь в 6 случаях (4.9%) нашёл хозяином теньковку. Все эти яйца были “славочьего” типа, а входные отверстия во всех гнёздах были повреждены. Он провел эксперимент, в котором из 4 гнёзд теньковки извлек по 1 яйцу хозяина и подложил: в 2 случаях по одному яйцу жулуна *Lanius collurio*, в 2 других случаях — по одному яйцу садовой славки *Sylvia borin* и кукушки. Все гнёзда были брошены, из чего он сделал следующие заключения:

1) Теньковка не насиживает чужие яйца.

2) Оставление гнезда хозяином происходит вследствие подкладки чужого яйца, а также вследствие частичного разрушения гнезда, происходящего во время откладки яйца кукушкой.

3) Вероятно, более крупное яйцо кукушки воспринимается самкой теньковки в гнезде как инородное тело.

Л.Кульман (Kuhlmann 1928) за 30-летний период исследования кукушки лишь 16 раз наблюдал кукушечьи яйца в гнёздах пеночек: 12 раз у трещотки, 3 — у теньковки и 1 — у веснички. Все эти гнёзда были брошены хозяевами. Однажды было найдено гнездо теньковки с 2 яйцами кукушки “овсяночьяго” типа (Kambrich 1940, цит. по: Schönfeld 1978), которое также было брошено. В 5 случаях у трещотки и в 1 у теньковки обнаружил яйца *C. canorus* Х.Мильденбергер (Mildenberger 1940), но только однажды трещотка продолжила насиживание. Кукушонок, кажется, вылупился, другие подробности отсутствуют. М.Гарлинг (Garling 1920), изучавший кукушку под Берлином, лишь однажды нашёл кукушечье яйцо в гнезде веснички. Б.Ренш (Rensch 1924) описал 9 кладок теньковки и трещотки, которые содержали яйца кукушки, окрашенные иначе, чем яйца хозяина. Из этого он сделал вывод, что кукушка ещё не приспособилась паразитировать на пеночках.

Л.Ашенбреннер в своей монографии, посвящённой трещотке (Aschenbrenner 1966), ссылаясь на других авторов, сообщает, что в гнёздах *Ph. sibiricus*

latrix всё-таки находили птенцов *C. canorus*. Так, Чапек (Capek 1896, цит. по: Aschenbrenner 1966) в 30 гнёздах трещотки обнаружил 8 кукушат. Напротив, из 17 кладок с яйцами кукушки 13 были брошены. Чапек считает, что кукушки, тем не менее, не являются гнездовыми паразитами трещотки и подкладывают яйца в её гнёзда по ошибке. Л.Ашенбреннер, ссылаясь на наблюдения других авторов, (правда, не приводя подробностей), говорит о том, что кукушки посещают гнёзда трещоток, а также о находках гнёзд этого вида с яйцами и птенцами кукушки. Яйца паразитирующего вида были всегда гораздо крупнее яиц хозяина и не похожи на них по форме и окраске. При этом он утверждает, что трещотки бросают кладки только в тех случаях, когда кукушка подкладывает своё яйцо до 4-го яйца хозяина. Это время и является критической фазой, после которой кладки не оставляются хозяином. В подтверждение приведены два случая подкладки прошлогодних яиц своего же вида в гнёзда трещоток, находящихся в начале и конце стадии откладки яиц.

А.С.Мальчевский (1987, с. 186), признанный знаток биологии кукушки, по поводу её паразитирования на пеночках пишет: "Хотя в гнёздах различных видов пеночек яйца кукушки находят довольно часто, тем не менее, надёжными воспитателями гнездового паразита среди них могут считаться немногие". Основная причина того, что пеночки чаще всего бросают гнёзда, в которых оказывается яйцо кукушки, по его мнению, состоит в том, что кукушка, подкладывая своё яйцо в гнёзда пеночек, имеющих небольшой расположенный сбоку леток, неизбежно нарушают конструкцию постройки, деформируют входное отверстие. В итоге пеночки покидают гнездо, которое посетила кукушка, и строят новое в другом месте. А.С.Мальчевский (1958), анализируя все известные ему случаи паразитирования кукушки на 3 видах пеночек (весничка, теньковка и трещотка) в европейской части СССР, в 5 регионах из 10 обнаруживает это явление. Более того, в гнёздах у всех трёх видов наблюдали не только яйца кукушки, но и кукушат. По мнению А.С.Мальчевского, воспитание этими видами пеночек птенца кукушки — не такое уж редкое явление. К тому времени для европейской части СССР было известно 19 достоверных случаев подкладывания кукушкой яиц пеночкам: 3 — трещотке, 7 — теньковке, 9 — весничке. При этом такие гнезда орнитологи чаще находили в Прибалтике (8 случаев: 4 у теньковки, 3 у веснички и 1 у трещотки) и на Северо-Западе России (6 случаев: все у веснички). В Ленинградской области, по данным за 1930-1980 гг., яйца или птенцы кукушки в гнёздах пеночек (веснички) найдены 5 раз (4.8%) из 104 достоверных случаев паразитирования кукушки на певчих птицах (Мальчевский, Пукинский 1983). В целом яйца кукушки в гнёздах второстепенных хозяев, к каковым принадлежат и пеночки, чаще отмечались во второй половине лета, в конце июня-начале июля (Мальчевский 1954; Мальчевский, Пукинский 1983), т.е. в конце периода размножения: "когда кукушка вынуждена подбрасывать яйцо в гнездо случайного вида". Пишут, что выживаемость кукушат в гнёздах основных воспитателей по разным причинам выше, чем у случайных и второстепенных.

В известных нам гнёздах веснички, где кладка с "приёмным" яйцом насиживалась и кукушонок нормально рос до вылета из гнезда, начало от-

кладки яиц соответствовало нормальным для соответствующего года срокам: 5 июня 2001 и 2 июня 2002. В 2001 году гнездо было найдено 14 июня в начале периода насиживания. Первым вылупился кукушонок (22 июня). К следующему дню все яйца веснички были выброшены. Наблюдение за гнездом продолжалось до 11 июля, т.е. до 19-дневного возраста кукушонка. К 13-15-дневному возрасту птенец настолько вырос, что не помещался в гнезде и в конце гнездового периода сидел совершенно открыто, едва замаскированный окружающими гнездо листьями вейника. Гнездо 2002 года было найдено лишь 29 июня и уже с птенцом кукушки примерно 10-дневного возраста. В подстилке гнезда осталось одно яйцо веснички, в котором оказался мертвый эмбрион. Гнездо располагалось в 170 м от места расположения гнезда с кукушонком в предыдущем, 2001 году. Исходя из этого можно предположить, что яйца подкладывала одна и та же самка кукушки. Кукушонок также развивался нормально, к 15-дневному возрасту сидел на остатках гнезда совершенно открыто. Вероятно, это и послужило причиной его гибели. При осмотре 10 июля в 1 м от гнезда на земле мы нашли утоптанную платформу, где последние дни сидел кукушонок, и много его перьев. Последнее свидетельствует о том, что его, после того, как он покинул гнездо, убил ястреб-перепелятник *Accipiter nisus*, гнездившийся неподалёку.

Корм птенцам в обоих случаях приносили только самки. Они же в основном проявляли беспокойство на гнездовых участках, хотя самцы тоже присутствовали, пели и иногда присоединялись к самке при беспокойстве у гнезда. В 2002 г. в 20 м располагалось второе гнездо веснички. Самец регулярно отмечался у обоих гнёзд и, скорее всего, был полигамом, что вполнеично для этого вида на северо-западе России (Лапшин, 1975, 1983).

Основной вид, на котором в нашей местности паразитирует обыкновенная кукушка — зарянка. В разные годы яйца кукушки находили также у славки-завиушки *Sylvia curruca*, юрка *Fringilla montifringilla*, лугового чекана *Saxicola rubetra*, чечевицы *Carpodacus erythrinus* и др., тем не менее, эти случаи единичны. Нет оснований говорить о том, что обыкновенная кукушка в южной Карелии ищет нового воспитателя для своего потомства, хотя бы потому, что зарянка на протяжении многих десятилетий и в разных лесных биоценозах по численности является одним из доминирующих видов.

Иногда подкладку яиц кукушкой в гнёзда второстепенных видов-хозяев можно связать с несоответствием в данном году сроков гнездования вида-хозяина и гнездового паразита. Возможно также, что в случае гибели гнезда основного воспитателя, в которое самка кукушки намеревалась отложить очередное яйцо, она сносит его в любое, в данный момент найденное ею на стадии откладки яиц или даже насиживания.

Литература

- Лапшин Н.В. 1975. К вопросу о полигинии у некоторых воробьиных птиц южной Карелии // 2-я Всесоюз. конф. молодых учёных по вопросам сравнит. морфологии и экологии животных. М.: 168-169.
- Лапшин Н.В. 1983. Факультативная полигиния у веснички *Phylloscopus trochilus* (L.) // Фауна и экология птиц и млекопитающих Северо-Запада СССР. Петрозаводск: 34-41.
- Мальчевский А.С. 1954. О взаимоотношениях кукушки (*Cuculus canorus* L.) и горихвостки (*Phoenicurus phoenicurus* L.) в период их размножения // Вестн. Ленингр. ун-та 7: 3-18.

- Мальчевский А.С. 1958. О биологических расах обыкновенной кукушки на территории европейской части СССР // *Зоол. журн.* **37**, 1: 75-95.
- Мальчевский А.С. 1987. *Кукушка и её воспитатели*. Л.: 1-264.
- Мальчевский А.С., Нумеров А.Д. 1981. Взаимоотношения кукушки с её воспитателями на территории СССР // *Экология и охрана птиц*. Кишинев: 146-147.
- Мальчевский А.С., Пукинский Ю.Б. 1983. *Птицы Ленинградской области и сопредельных территорий: История, биология, охрана*. Л., 2: 1-504.
- Нумеров А.Д. 1993. Обыкновенная кукушка // *Птицы России и сопредельных регионов. Рябкообразные-Совообразные*. М.: 193-225.
- Нумеров А.Д. 2003. *Межвидовой и внутривидовой гнездовой паразитизм у птиц*. Воронеж: 1-517.
- Aschenbrenner L. 1966. *Der Waldlaubsänger (Phylloscopus sibilatrix)*. Wittenberg Lutherstadt: 1-78 (Neue Brehm-Bucherei. № 368).
- Garling M. 1920. *Cuculus canorus* bei Berlin // *Z. Oologie Berlin*. **25**: 35-42.
- Kuhlmann L. 1928. Zur Kuñucksfrage // *Beitr. Fortpfl. Vögel*. **4**: 26.
- Mildenberger H. 1940. Beobachtungen über Fitis-, Weiden- und Waldlaubsänger in Reinland // *J. Ornithol.* **88**: 537-549.
- Rensch B. 1924. Zur Entstehung der Mymykry der Kuckucks eier // *J. Ornithol.* **72**: 461-472.
- Schierman G. 1927. Über das Brutverhältnis des Weidenlaubvogel (*Phylloscopus c. c.*) zu *Cuculus c. c.* // *Beitr. Fortpfl. Vögel*. **3**: 13-17.
- Schönfeld M. 1978. *Der Weidenlaubsänger (Phylloscopus)*. Wittenberg Lutherstadt: 1-136 (Neue Brehm-Bucherei № 511).

ISSN 0869-4362

Русский орнитологический журнал 2004, Том 13, Экспресс-выпуск 272: 856-859

К экологии дубровника *Emberiza aureola* в Мордовии

Е.В.Лысенков, С.Н.Спиридовон, А.С.Лапшин

Кафедра зоологии и экологии, Мордовский государственный педагогический институт, ул. Студенческая, д.13а, Саранск, 430007, Россия. E-mail: alcedo@rambler.ru

Поступила в редакцию 16 сентября 2004

Дубровник *Emberiza aureola* — восточносибирский вид, расселяющийся на запад. По-видимому, в Мордовию он проник в конце XIX в. По данным С.А.Резцова (1910), дубровник был довольно обычен в пойме Мокши около г. Темникова. В начале XX в. дубровника наблюдали в Пензенской области в пойме Мокши возле Наровчата 19 мая 1909 (Артоболевский 1923-1924).

В Мордовском заповеднике и его окрестностях дубровник регистрировался в 1930-х и 1970-х. Наблюдался с 12 августа по 11 сентября 1935. 27 и 31 июля 1936 несколько раз отмечался в пойме Мокши по окраинам многочисленных водоёмов среди отдельных групп кустарников (Птушенко 1938). Регистрировался в 1974-1976 (Грищукин 2001). В последнее десятилетие в заповеднике его не встречали. В Рязанской области в начале XX в. дубровник был обычным видом, по численности сравнимым с жёлтой трясогузкой *Motacilla flava* (Хомяков 1901). В середине XX в. его численность

здесь сократилась (Птушенко 1958). Всё это указывает на то, что в начале XX в. в западной части Мордовии, в пойме реки Мокши, численность дубровника была высокой.

В гнездовой период 1971 года была отмечена пара дубровников, державшаяся на пойменном лугу близ села Мордовские Пошаты Ельниковского р-на (Луговой 1975). В последующие годы мы обнаружили гнездование вида в Дубенском (с. Енгалычево), Ардатовском (с. Полое) и Ельниковском (с. Старое Девичье) районах республики (Лысенков 1998).

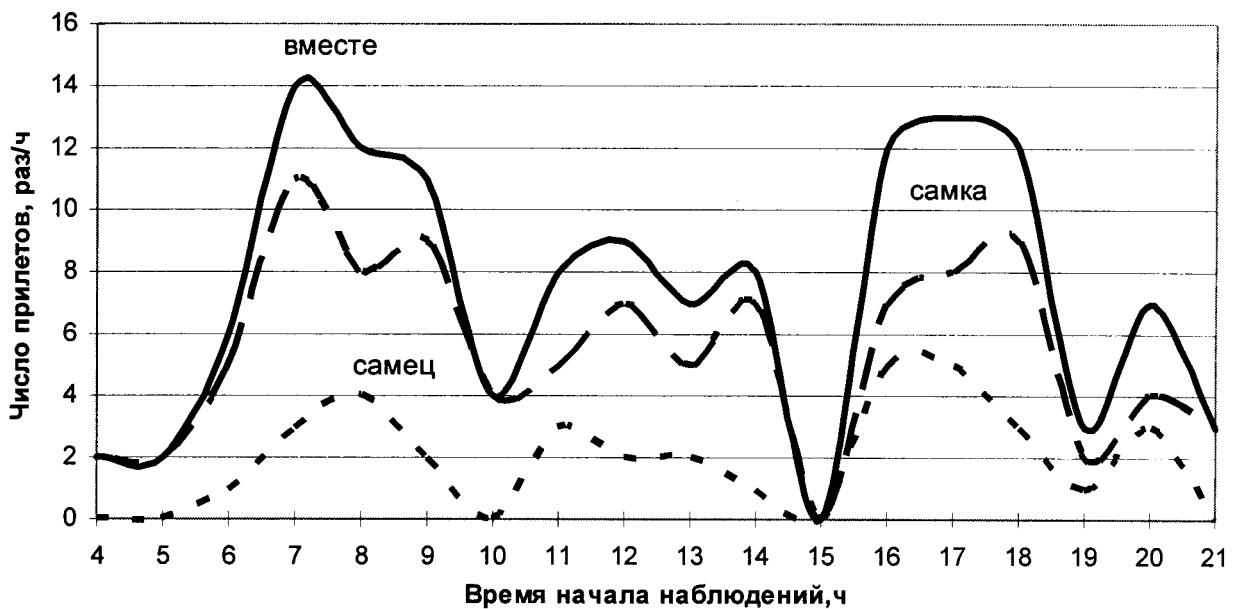
В Мордовии дубровник появляется в конце мая. Откладка первого яйца происходит в начале июня, полные кладки находили с середины июня. Птенцы вылупляются в конце июня, а в середине июля покидают гнёзда.

Гнездовые стации дубровника в поймах разных рек различаются. По реке Суре он предпочитает чистые сенокосные луга в центральной части поймы. В пойме Мокши — прибрежные луга, окраины многочисленных водоёмов среди отдельных групп кустарников, а в пойме Алатауя — прибрежные, сильно заросшие сорняками, распаханные участки поймы. Гнездится небольшими группировками, от двух и более пар. Найденные гнёзда были устроены на земле как в густом и высоком, так и в редком и низком травостое. С территории Мордовии отсутствуют описания гнёзд дубровника, в связи с чем приводим их описание.

26 июня 1973 на пойменном лугу Суры (Дубенский р-н) найдено одно гнездо. Луг с высотой травостоя около 1 м использовался для сенокоса. Растительность на нём представлена костром полевым *Bromus arvensis*, тысячелистником *Achillea millefolium*, ежой сборной *Dactylis glomerata*, геранью *Geranium* sp., поповником *Leucanthemum vulgare*, короставником полевым *Knautia arvensis*, зонтиком клубненосным *Phlomis tuberosa*, осотом полевым *Sonchus arvensis*. Гнездо было устроено на земле в углублении, в 3 м от до-

Рост и развитие птенцов дубровника *Emberiza aureola*
Пойменный луг, р. Сура, 1973

Дата	Масса тела, г; Размеры, мм	1-й птенец	2-й птенец	3-й птенец	4-й птенец	5-й птенец
26 июня	Масса тела	3.3	7.6	8.5	11.3	10.7
	Длина клюва	5.0	5.1	6.1	6.2	6.2
	Длина цевки	11.1	14.2	15.2	16.1	16.2
	Длина крыла	12.2	12.1	13.1	17.3	15.6
27 июня	Масса тела	—	10.8	10.5	13.9	13.9
	Длина клюва	—	5.8	6.4	6.6	6.6
	Длина цевки	—	17.1	17.2	20.1	18.2
	Длина крыла	—	13.1	13.5	17.5	16.3
28 июня	Масса тела	—	—	—	15.3	14.8
	Длина клюва	—	—	—	7.1	7.0
	Длина цевки	—	—	—	22.1	21.0
	Длина крыла	—	—	—	25.2	24.3
29 июня	Масса тела	—	—	—	18.0	17.5
	Длина клюва	—	—	—	8.2	8.2
	Длина цевки	—	—	—	25.1	25.0
	Длина крыла	—	—	—	32.1	32.0

Суточная динамика интенсивности выкармливания выводка дубровника. 5 птенцов в возрасте 3 сут. 27 июня 1973.

роги, сверху хорошо укрыто растительностью. Каркас гнезда сделан из стеблей и листьев костра, осоковых. Лоток выстлан стеблями и листьями мяты-лика *Poa* sp, осота полевого, конским волосом, цветками одуванчика *Taraxacum officinale* s.l. Размеры гнезда, мм: диаметр гнезда 90; диаметр лотка 72; глубина лотка 50; высота гнезда 70; толщина стенок 19. В гнезде было 5 двухдневных птенцов. Вес и размеры птенцов отражены в таблице.

На этом же лугу 3 июля 1973 найдено второе гнездо, устроенное, как и предыдущее, на земле в углублении. В гнезде находилось 5 птенцов, два из которых — мёртвые.

В 1982 году две пары обнаружены в пойме р. Алатырь в окрестностях с. Полое Ардатовского р-на. Одна держалась на пустыре (250 м^2) в прибрежной части поймы, заросшей высокими сорными растениями. Вторая — на брошенном картофельном участке, также заросшем сорняками.

В 1989 году нашли два гнезда в пойме Мокши около с. Старое Девичье Ельниковского р-на. Первое гнездо, обнаруженное 11 июня, находилось на прибрежном лугу в густой невысокой траве, в 4 м от заросшего ивами болотца. Оно было устроено на земле, замаскировано тысячелистником, злаками и листьями клубники *Fragaria viridis*. На лугу также росли козлобородник и конский щавель *Rumex confertus*, которые самец использовал в качестве присад. 13 июня в гнезде было 4 яйца с зеленовато-серым фоном и тёмными крапинками. Размеры яиц, мм: 20.4×15.2, 20.1×15.2, 20.3×15.6, 19.4×15.3.

Второе гнездо располагалось на другом, правом берегу Мокши, на лугу с более низким травостоем, состоявшем из пижмы *Tanacetum vulgare*, тысячелистника, земляники лесной *Fragaria vesca*, люцерны серповидной *Medicago falcata*. 4 июля в гнезде находилось 2 семидневных птенца, а недалеко от него — 2 раздавленных птенца. Последние два гнезда были построены из сухих стеблей злаков, лотки выделаны сухими травами, волос почти от-

существовал. Размеры гнёзд, мм: глубина лотка 52 и 55; диаметр лотка 68 и 74; диаметр гнезда 89 и 97,5; высота гнезда 57 и 61.

В 1973 г. мы провели наблюдения за частотой кормления гнездовых птенцов. Степень участия родителей в выкармливании оказалась различной. В основном птенцов выкармливал самка (см. рисунок).

Самец кормил только в некоторые периоды, а в отдельные часы (15^{00}) самец и самка не были отмечены с кормом около гнезда. У другого гнезда 4 июля 1989 в пойме Мокши провели наблюдение в течение 3 ч (9^{00} - 12^{00}) за кормлением двух 7-сут птенцов. Оказалось, что корм приносила только самка, самец в это время пел недалеко от гнезда. За этот промежуток времени самка принесла 10 порций корма, т.е. в среднем 3,3 раз в час.

Наблюдениями было установлено, что родители приносили птенцам чешуекрылых Lepidoptera (гусениц) и жесткокрылых Coleoptera в соотношении 6:4. В желудках двух птенцов были обнаружены жесткокрылые, яйца муравья Formicidae и остатки растительной пищи. Взрослые особи поедали крупных гусениц бабочек. Интенсивность пения самцов в период выкармливания птенцов достаточно велика. По нашим наблюдениям, за 20 мин самец исполнил 144 песни, в среднем за 1 мин — 7,5 песен.

Таким образом, в Мордовии дубровник — спорадично локально гнездящийся вид пойменных лугов рек Суры, Мокши и Алатыря.

Литература

- Артоболевский В.М. 1923-1924. Материалы к познанию птиц юго-востока Пензенской губернии (Уу. Городищенский, Пензенский, Чембарский, Инсарский, Саранский и прил. к ним места) // Бюл. МОИП 32, 1/2: 64-193.
- Луговой А.Е. 1975. Птицы Мордовии. Горький: 1-299.
- Лысенков Е.В. 1990. К экологии некоторых редких видов птиц Мордовии // Материалы Всесоюз. науч. метод. совещ. зоол. пед. вузов. Махачкала, 2: 160-162.
- Лысенков Е.В. 1998. Экологические адаптации овсянок Мордовии // Водные и наземные экосистемы и охраны природы Левобережного Присурья. Саранск: 101-104.
- Птушенко Е.С. 1938. Материалы к познанию фауны птиц Мордовского заповедника // Фауна Мордовского заповедника им. П.Г. Смидовича. М.: 41-107.
- Птушенко Е.С. 1958. Список птиц Окского заповедника и Рязанской области // Тр. Окского заповедника 2: 192-206.
- Резцов С.А. 1910. Материалы к изучению орнитологической фауны Тамбовской губернии // Материалы к познанию фауны и флоры Российской империи. Отд. зоол. 10: 1-67.
- Хомяков М.М. 1901. Птицы Рязанской губернии // Материалы к познанию фауны и флоры Российской империи. Отд. зоол. 5: 103-201.

К орнитофауне Северного Сахалина

А.Ю.Блохин¹⁾, И.М.Тиунов²⁾

¹⁾ Экологическая компания Сахалина, ул. Крюкова, 83, Южно-Сахалинск, 693020, Россия

²⁾ Биологический институт Дальневосточного отделения Российской Академии наук, пр. Столетия Владивостока, 159, Владивосток, 690022, Россия

Поступила в редакцию 19 ноября 2004

Хотя побережье Северного Сахалина в разное время исследовалось орнитологами (Гизенко 1955; Нечаев 1991; и др.), многие вопросы остались не выясненными. Мониторинг территории и состояния популяций птиц этого региона, проводившийся в течение 10 многомесячных полевых сезонов, позволил существенно дополнить сведения о населении и миграциях некоторых малочисленных видов птиц Северного Сахалина. Эти работы проводились и финансировались в соответствии с многолетней программой экологических исследований по проекту "Сахалин-1" Дальневосточной морской инженерно-геологической экспедицией (1988-1991 гг.) и Экологической компанией Сахалина (1999-2004 гг.).

Материал собран на Северном Сахалине в 1988-1991 и 1999-2004 годах во время стационарных работ по мониторингу состояния среды обитания и популяций птиц. Стационары располагались у заливов Чайво и Астох (Пильтун). Наблюдения вели ежегодно с апреля-мая по октябрь-ноябрь. Кратковременные наблюдения, а также специальные авиаобследования для изучения распределения, распространения и численности птиц охватили весь север Сахалина от мыса Ратманова на северо-востоке до залива Виахту на северо-западе.

Branta nigricans (Lawrence, 1846). Редкий пролётный вид Сахалина (Нечаев 1991). Для северной части острова ранее не отмечался.

Тихоокеанская чёрная казарка отмечен нами на пролёте в районе северо-восточных заливов-лагун (Пильтун, Чайво). За исследуемый период она составила 40% от числа мигрирующих гусей (всего на Северном Сахалине в период миграции отмечено 4 вида гусей). Доля участия казарки среди мигрантов весной — 66%, осенью — 24%. Всего учтено 827 особей, из них весной 518 (1988 и 2000 гг.) и осенью 309 (1988, 1999 и 2002 гг.). Прилёт ранних казарок отмечен дважды 7 мая. Завершение весенней миграции наблюдалось 31 мая. Продолжительность весенней миграции 25 дней. Весной встречено 10 стай, состоявших из 3-80 казарок. Средняя величина стаи — 52 особи. Начало осеннего пролёта наблюдалось 16 и 21 сентября, 3 октября. Последние птицы отмечены 9 октября. Продолжительность осеннего пролёта в 1999 г. составила 7 дней. Во время осенних миграций встречено 10 стай, состоявших из 3-110 казарок. Средняя величина стаи — 31 особь.

Anser albifrons albifrons (Scopoli, 1769). Малочисленный пролётный вид Сахалина (Нечаев 1991). Для Северного Сахалина ранее не отмечался. Белолобый гусь отмечен нами на пролёте в районе северо-восточных заливов-лагун (Пильтун, Чайво). Составляет 21% от числа гусей-мигрантов. Доля мигрирующих белолобиков весной не превысила 4% от

всех гусей, осенью — 31%. Всего встречено 449 особей, в т.ч. весной 31 (2001 г.) и осенью 418 (1988, 1991, 1999, 2000, 2002 гг.). Возможно, этот вид встречался и в другие сезоны, но идентифицировать его не позволили условия наблюдения. Весенний прилёт — 9 мая. Последние птицы встречены 18 мая. Продолжительность весенней миграции в 2001 г. не превышала 10 дней. Встречено 3 стаи, состоявшие из 1-26 гусей. Средняя величина стаи 10 особей. Осенью первые пролётные встречались 9, 16 и 17 сентября, последних отлетающих гусей наблюдали 2, 9 и 12 октября. Продолжительность осеннего пролёта в 2000 г. составила 24 дня. Во время осенней миграции встречено 14 стаи, состоящих из 1-300 гусей. Средняя величина стаи — 30 особей.

Clangula hyemalis (Linnaeus, 1758). До настоящего времени морянка не входила в число гнездящихся птиц Сахалина (Нечаев 1991), более того, сведения о морянке на Северном Сахалине ограничиваются сообщением о добыче самца в 1913 г. (Hesse 1915; цит. по: Нечаев 1991).

У залива Чайво 4 июля 2002 несколько южнее оз. Мивка, на небольшом озере среди тундроподобных участков встречена самка и 2 пятидневных птенца (добыты и переданы в зоомузей Московского ун-та). Эта находка — первое доказательство гнездования морянки на Северном Сахалине, к тому же эта точка является наиболее южной точкой гнездования этого вида ($52^{\circ}32' \text{ с.ш.}, 143^{\circ}17' \text{ в.д.}$). В этом районе 12-15 августа 2002 встречено 5 выводков, в которых было 1-3 птенца в возрасте 1-4 недель. Средняя величина выводка составила 2 птенца ($n = 6$). Плотность гнездящихся морянок на этом участке в июле 2003 составила уже 42.5 ос./ км^2 . На островке среди озера обнаружены около 50 гнёзд нырковых и речных уток, в которых прошёл выклев птенцов. В 4 гнездах лотки были выстланы пухом. Они образовывали колонию, располагаясь среди моховых кочек под прикрытием кустарничков голубики и багульника на расстоянии 1, 2, 3 и 5 м и, по-видимому, принадлежали морянкам. Весной 2004 г., в период с 15 по 30 мая, на этом же участке северной косы залива Чайво мы нашли 6 гнёзд морянки с 4, 2, 5, 4, 1 и 8 яйцами. Размеры яиц, мм ($n = 23$): 51-57×35-40, в среднем 53.8×38.5.

Линные самцы в июле-августе единичными особями встречаются на озёрах и заливах или на море. Осенняя миграция начинается в конце октября или ноябре. Оставшиеся особи кочуют до полного замерзания моря. Плотность размещения морянок на море во время интенсивного пролёта весной составляет до 400 ос./ км^2 , в период летних кочёвок — 80-150. Встреченные пролётные стаи весной и осенью состояли из 20-50 птиц. Скопления весной достигают 1.5-2 тыс. птиц, осенью не превышают 300-500.

Somateria spectabilis (Linnaeus, 1758). Залётный вид. Добывался в водах Сахалина (Hand-list... 1932, 1942; Takahashi 1937; цит. по: Нечаев 1991). Мы встретили одиночного взрослого самца гаги-гребенушки на заливе Астох 8 мая 1988.

Melanitta americana (Swainson, 1831). Редкий гнездящийся вид Северного Сахалина. На пролёте встречается вдоль всего побережья острова. Американская синьга отмечена на гнездовании на западном побережье острова, в междуречье верхнего течения Погиби и Большой Уанги,

вблизи устья Тенъги и на побережье залива Тык (Нечаев 1991). Кроме того, один самец добыт на заливе Чайво (Hesse 1915; цит. по: Нечаев 1991).

По нашим данным, до 1999 года американская синьга была обычной летающей птицей северо-восточного побережья, но в пригодных для гнездования стациях не встречалась. В 1999-2002 гг. произошёл резкий скачок численности летающих птиц на море и массовое расселение синьги по внутренним водоёмам у морского побережья. Синьга составляла 2.4% гнездящихся уток в 1999 г. и увеличила свое присутствие до 35% в 2002 г.

Обнаруженные нами гнёзда ($n = 9$) располагались в 1.5-7 м от воды на земле, в углублениях почвы под ветками стланика высотой 0.7-2.0 м. Вокруг гнезда — заросли голубики, багульника, карликовой ивы и отдельные пучки осоки. Гнёзда сделаны из старой хвои стланика и обильно выстланы пухом. Размеры гнёзд, мм ($n = 9$): диаметр гнезда 240-320, диаметр лотка 160-230, глубина лотка 70-85. Синьга является поздно гнездящимся видом. Самки, добытые 4 июля, снесли 6, 7 и 8 яиц. В 3 гнёздах, где прошел выклев птенцов, 14 августа найдены остатки 5, 5 и 6 яиц. В найденных насиженных кладках было 6 (15 июля 1999) и 8 (4 июля 2002) яиц. Размеры яиц, мм ($n = 14$): 64.3-68.4×46.1-48.8, max 68.0×48.3, min 64.3×46.3. Средняя величина кладки за несколько лет — 5.8 яйца ($n = 9$).

Выводки встречены нами в 2002 г. На Чайво американская синьга доминировала среди гнездящихся уток. С 9 по 30 августа на озёрах по косе этого залива встречено 58 разновозрастных выводков, в которых было 1-10 птенцов. 22 августа встречен выводок из 7 пятидневных птенцов, которых утка отвела в море несмотря на штормовую погоду. В течение сентября все выводки синьги перебрались с озёр на море. Средняя величина выводка составил 5 птенцов ($n = 58$). Смертность птенцов не превысила 14%. Плотность населения американской синьги в июне-июле в местах размножения в 2002 г. составила 0.4-8.3 ос./км².

Melanitta deglandi stejnegeri (Ridgway, 1887). Появление горбоносого турпана в гнездовых биотопах отмечено с 1999 г. и ранее нами не наблюдалось. Хотя гнёзда и выводки этого вида на Сахалине не находили, предполагают, что он гнездится в северной части острова (Нечаев 1991). Несмотря на огромное количество турпанов, ежегодно встречающихся летом на море и заливах, нам удалось встретить только один выводок из 4 хлопунцов. 7 августа 1999 самка отводила в море с косы залива Чайво выводок утят, которые достигали 2/3 величины взрослой птицы и имели маховые, отросшие на 1/2, и остатки эмбрионального пуха на шее. Самки, добытые 18 и 20 мая 1988, имели зернистые яичники размерами 24×16 и 32×15 мм, с фолликулами диаметром 7-8 мм, и утолщенный до 4 мм яйцевод. Плотность горбоносых турпанов в гнездовых стациях в июне-июле — 13.3 ос./км².

Buteo lagopus (Pontoppidan, 1763). Редкий пролётный и зимующий вид Сахалина, на севере острова ранее не отмечался (Нечаев, 1991).

Мы за 10 полевых сезонов зарегистрировали 30 встреч зимняка: 28 апреля-2 мая 1988 — 3 одиночные птицы на зал. Астах; 10 и 31 октября 1989 — 2 встречи по 1 и 3 особи на зал. Чайво; в 1990 — 3 одиночные особи на зал. Чайво 21 и 23 октября и 4 ноября; в 1991 — на зал. Чайво 5 встреч по 1, 2, 1, 1 и 2 особи 4, 6, 6, 12 и 20 октября, соответственно. Наконец, в

2002 г. с 19 сентября по 15 октября мы встречали зимняков по 1 или 2 особи 17 раз на заливах Пильтун и Чайво.

Aquila chrysaetos (Linnaeus, 1758). Редкий пролетный и, возможно, зимующий вид. Молодую птицу видели 30 июля 1976 над горой Три Брата (п-ов Шмидта) (Нечаев 1991). Мы наблюдали охотящегося беркута 30 сентября 2000 в районе северной косы залива Чайво. При обследовании полуострова Шмидта на моторной лодке 27-28 июля 2003 около Ныврово мы обнаружили пару беркутов и гнездо. Это единственная находка гнезда этого орла на Сахалине.

Falco tinnunculus perpallidus (Clark, 1907). На Сахалине считалась редкой пролётной или даже залётной (Нечаев 1991). На полуострове Шмидта у пос. Ныврово В.А.Нечаев видел одиночную птицу 12 августа 1976. Нами установлен первый случай гнездования обыкновенной пустельги на Сахалине. 30 мая 1990 у залива Чайво ($52^{\circ}23'$ с.ш., $143^{\circ}13'$ в.д.) обнаружена пара и гнездо с кладкой из 4 яиц ($40.4\text{-}43.8 \times 32.6\text{-}33.6$ мм). 6 июля птенцы (длиной 150 мм) были ещё покрыты эмбриональным пухом, маховые и рулевые отросли на 35-45 мм. В тот год отмечен пик размножения грызунов. Кроме того, в период наших исследований (1989-1991 и 1999-2004) в районе залива Чайво ежегодно и неоднократно отмечались пары и одиночные пустельги — всего 42 встречи.

Larus schistisagus Stejneger, 1884. На Сахалине тихоокеанская чайка “малочисленный гнездящийся, обычный пролётный и редкий зимующий вид” (Нечаев 1991, с. 215). Её гнездование установлено на мысе Анива, мысе Терпения, на кекурах у восточного берега Тонино-Анивского полуострова. Кроме того, В.А.Нечаев (1995) высказал предположение о её гнездовании на полуострове Шмидта. При обследовании этого полуострова 27-28 июля 2003 на моторной лодке мы обнаружили три гнездовые колонии тихоокеанской чайки к северу от мыса Левенштерна: 1) $54^{\circ}08.132'$ с.ш., $142^{\circ}58.363'$ в.д. (25 пар), 2) $54^{\circ}08.421'$ с.ш., $142^{\circ}58.184'$ в.д. (30 пар) и 3) $54^{\circ}10.332'$ с.ш., $142^{\circ}56.124'$ в.д. (50 пар).

Xema sabini (Sabine, 1819). На Сахалине ранее не отмечалась. 22 мая 1988 мы встретили вилохвостых чаек на морском побережье у залива Асток ($52^{\circ}42'$ с.ш., $143^{\circ}21'$ в.д.). Откочёвку в северном направлении наблюдали на морском побережье. Зафиксировано 3 встречи: 8, 40 и 1 особь. Время — с 15 ч 45 мин до 16 ч 20 мин. Условия наблюдения удовлетворительные. Птицы пролетали и садились отдыхать на льдины на расстоянии 20-40 м от нас. Удалось хорошо рассмотреть их в 10× бинокль. 19 сентября 2004 одиночная вилохвостая чайка встречена на морском побережье северной косы залива Чайво. Птица сидела в смешанной стае озёрных *Larus ridibundus* и сизых *L. canus* чаек.

Larus saundersi (Swinhoe, 1871). На Сахалине китайская чайка была добыта один раз, дата неизвестна (Takahashi 1937; цит. по: Нечаев 1991). Мы наблюдали одиночную китайскую чайку 8 июня 2000 в 16 ч 20 мин на заливе Чайво (пролив Клейе). Она обратила на себя внимание мелкими размерами и находилась в стае медленно летящих озёрных чаек. Наблюдалась с расстояния до 30 м при оптимальном освещении в ясную погоду. Хорошо рассмотрена в 12× бинокль “Минольта”.

Pagophila eburnea (Phipps, 1774). В 1982 и 1989 годах отмечалась у восточных берегов Сахалина (Нечаев 1991). Мы встретили белую чайку 13 мая 2000 в 13 ч 25 мин на заливе Чайво (пролив Клейе). Наблюдали одиночную птицу, пролетающую не далее 30 м. Условия встречи: небольшая облачность, видимость и освещенность нормальные. Чайка хорошо рассмотрена в 12× светосильный бинокль “Минольта”.

Chlidonias niger (Linnaeus, 1758). Залётный вид. 16 июня 1986 В.А.Нечаев (1991) добыл самку чёрной крачки в первом зимнем наряде на озере Свободное в южной части Сахалина. Нами чёрная крачка встречена 4 июня 2000 на заливе Чайво (пролив Клейе). Среди алеутских крачек *Sterna aleutica* Baird, 1869 (= *S. camtschatica* Pallas, 1811) на колонии в 17 ч увидели одиночную птицу, пролетающую не далее 20 м. Условия встречи: небольшая облачность, видимость и освещенность нормальные. Крачка хорошо рассмотрена в 12× светосильный бинокль “Минольта”.

Halcyon pileata (Boddaert, 1783). На Сахалине ошейниковый зимородок ранее не отмечался. 17 мая 2000 у маяка на северной косе залива Чайво была отмечена одиночная птица, сидящая на старых постройках.

Motacilla alba ocularis Swinhoe, 1860. Редкий пролётный вид, отмечавшийся в южной части Сахалина (Нечаев 1991). Мы наблюдали 20 очковых белых трясогузок на весеннем пролёте с 15 по 28 мая 2003.

Phoenicurus auroreus (Pallas, 1776). Залётная птица Сахалина. На севере острова ранее не отмечалась (Нечаев 1991). Мы неоднократно встречали сибирских горихвосток на берегах заливов Пильтун и Чайво в 1989, 1991, 2000 и 2002 годах. Встречи в основном происходили в апреле и мае. Наблюдавшиеся птицы кормились. А 28 июля на острове Врангеля в заливе Пильтун видели самку сибирской горихвостки, летевшую с фекальной капсулой в клюве, что позволяет говорить о гнездовании этого вида на северо-восточном побережье Сахалина.

Литература

- Гизенко А.И. 1955. *Птицы Сахалинской области*. М.: 1-328.
Нечаев В.А. 1991. *Птицы острова Сахалин*. Владивосток: 1-748.
Нечаев В.А. 1995. *Охотничьи и охраняемые птицы Сахалина и Курильских островов*. Южно-Сахалинск: 1-190.

Гнездование зимняка *Buteo lagopus* в антропогенном ландшафте

И.В.Дорогой

Институт биологических проблем Севера ДВО РАН, Магадан, Россия

Поступила в редакцию 30 ноября 2004

Зимняк *Buteo lagopus* — один из самых обычных и местами многочисленных пернатых хищников открытых северных ландшафтов. В тундре устраивает гнёзда на вершинах булгунняхов и байджерахов, а также на земляных обрывах речных берегов. На побережье Охотского и Берингова морей гнездится в нишах береговых скал; известны случаи устройства гнёзд на деревьях. О его гнездовании в антропогенном ландшафте известно немного. В частности, летом 2000 г. гнездо зимняка обнаружили на вершине бетонной опоры примерно в 200 км к северу от Лабытнанги (Пасхальный 2004). Случаев гнездования зимняков в посёлках до сих пор описано не было.

Гнездо зимняков мы нашли 16 июня 2004 на окраине посёлка Майский (западная Чукотка, 68°58' с.ш. 173°46' в.д.). Этот населённый пункт в 1970-1980-х был одним из самых процветающих посёлков на Чукотке и имел население около 2500 человек. В начале 1990-х он был ликвидирован, однако в настоящее время здесь возобновлены разведочные работы.

Гнездо располагалось на металлической платформе (50×70.см), служившей опорой для вентиляционной трубы, прикреплённой к стене дома — бывшего кузнечного цеха — примерно в 3.5 м от земли и в 0.5 м от крыши. Гнездо представляло собой сооружение диаметром около 80 см, сделанное из сухих веток ивы. Диаметр лотка, выстланного сухими стеблями пушкицы и перьями, не превышал 30 см. К моменту обнаружения в гнезде находилось 5 яиц. К концу наблюдений (21 июня) яйца были ещё без проклёвок, что свидетельствует о том, что откладка яиц имела место в начале июня.

Менее чем в ста метрах от дома, на котором располагалось гнездо, проходит дорога, по которой ежедневно следовало в среднем до 10 большегрузных автомашин, а ближайшие дома, где проживали работники геолого-разведочной партии, отстояли от данного строения на 200 м; тем не менее, птицы начинали проявлять беспокойство не далее 50-60 м от приближающегося человека.

Ещё одно гнездо было найдено 18 июня на развалинах одного из зданий заброшенного рудника примерно в 2 км от посёлка; здесь же наблюдались две птицы без признаков гнездования. По сообщению работников бригады буровиков, в начале июня гнездо было занято птицами, которые, по всей вероятности из-за беспокойства со стороны человека, впоследствии покинули его.

Сам факт гнездования такого крупного хищника, как зимняк, в посёлках (даже заброшенных), представляет известный интерес, поскольку в литературе таких данных нет.

Литература

Пасхальный С.П. 2004. *Птицы антропогенных местообитаний Ямала и прилегающих территорий*. Екатеринбург: 1-200.

ISSN 0869-4362

Русский орнитологический журнал 2004, Том 13, Экспресс-выпуск 272: 866-867

Явление позднего размножения чегравы *Hydropogone caspia* на озере Алаколь (Юго-Восточный Казахстан)

Н.Н.Березовиков¹⁾, Ю.П.Левинский²⁾

¹⁾ Лаборатория орнитологии, Институт зоологии Центра биологических исследований Министерства образования и науки Республики Казахстан, проспект Аль-Фараби, 93, Академгородок, Алматы, 480060, Казахстан. E-mail: InstZoo@nursat.kz

²⁾ Алакольский государственный природный заповедник, ул. Кабанбай батыра, 32, г. Ушарал, Алакольский район, Алматинская область, 489430, Казахстан

Поступила в редакцию 23 ноября 2004

Для чегравы *Hydropogone caspia* характерна сильная растянутость гнездового периода, когда ненасиженные кладки в разных частях её ареала встречаются с первой декады мая до середины июля (Долгушин 1962; Зубакин 1988). На озере Алаколь 6 июля в гнёздах ещё находились яйца, в начале второй декады июля появились первые птенцы, а 16 июля шло массовое вылупление (Деревягин 1948).

В последние десятилетия регулярное гнездование чегравы наблюдается в западной части озера Алаколь, в урочище Чубартюбек, на песчано-щебенистом острове Кондарал ($46^{\circ}13.352'$ с.ш., $81^{\circ}28.320'$ в.д.), который узкой полосой шириной 10-30 м протянулся на 1 км и представляет вал, намытый штормами в мелководной части озера, примерно в 5 км от берега. Кроме чеграв, на этом острове ежегодно гнездятся большие бакланы *Phalacrocorax carbo*, черноголовые хохотуны *Larus ichthyaetus*, хохотуны *Larus cachinnans*, речные крачки *Sterna hirundo*, малые крачки *Sterna albifrons*, малые зуйки *Charadrius dubius*, в отдельные годы — кудрявый *Pelecanus crispus* и розовый *P. onocrotalus* пеликаны. В 1980-е здесь также находились колонии реликтовой чайки *Larus relictus*.

При осмотре этого острова 22 августа 2003 на месте колонии держалось скопление до 70 преимущественно взрослых чеграв, среди которых встречались доросшие, но ещё докармливаемые лётные молодые птицы. Вместе с тем здесь обнаружен поздний выводок с 2 пуховичками в возрасте не более 10 сут, имевших длину тела 170 мм, клюва — 19 мм, плюсны — 22 мм (Березовиков, Левинский 2003). В 2004 г. при посещении этого места 22 августа наблюдалась чегравы, насиживающие кладки. Осмотрев этот остров 20 сентября, мы обнаружили на нём “детский сад”, где было 40 полуоперённых птенцов, сопровождаемых 35 взрослыми птицами. При нашем появлении

птенцы гурьбой уходили к воде и уплывали на расстояние до 50-70 м от берега. На месте колонии обнаружено 24 погибших чегравы, в том числе 9 взрослых, 3 маленьких пуховичка, 9 крупных пуховиков, 3 полуоперённых птенца. Кроме них, найдены и другие мёртвые птицы: 3 *Sterna hirundo*, 1 *S. albifrons*, 2 *Larus ridibundus*, 1 *Arenaria interpres*, 1 *Netta rufina*, 1 *Phalacrocorax carbo*. Очаг гибели водоплавающих и околоводных птиц вдоль северного и западного побережья оз. Алаколь, включая обследованные острова, существует на протяжении последнего десятилетия (Березовиков и др. 2002). В 2002-2004 годах специалистами Института микробиологии и вирусологии МОН РК выявлена вирусная природа этого очага заболевания и смертности птиц, преимущественно чаек и крачек. Посетив этот остров и прилежащие участки западного побережья Алаколя 13 октября, мы уже не застали здесь чеграв, хотя на месте колонии обнаружили 3 оперённых молодых птиц, погибших в течение последней недели. Последний раз чеграв в этом году мы встретили в восточной части дельты Тентека на илистом островке озера Онагаш ($46^{\circ}25.005'$ с.ш., $81^{\circ}04.339'$ в.д.), где 12 октября держалась стая из 17 взрослых и молодых птиц.

С чем связано столь позднее, по существу осеннее, гнездование чегравы на острове Алаколя? Основные причины две: 1) частые штормы, перемывающие низко расположенные острова, и 2) разорение гнёзд, издавна бытующее среди местного населения (Березовиков 2001). В данном случае можно со всей определённостью говорить о том, что это было повторное гнездование, вызванное гибелю первых кладок из-за сильных летних штормов и подъёма уровня воды в Алаколе до 1 м, вследствие чего основная часть Кондарала всю первую половину лета была затоплена, а сам остров периодически перемывался большими волнами.

Литература

- Березовиков Н.Н. 2001. Критическое состояние популяций реликтовой чайки, черноголового хохотуна и чегравы на озере Алаколь (Казахстан) // *Актуальные проблемы изучения и охраны птиц Восточной Европы и Северной Азии*. Казань: 84-87.
- Березовиков Н.Н., Анисимов Е.И., Левинский Ю.П., Толганбаев С.А. 2002. Очаги гибели птиц и млекопитающих на озёрах Алакольской котловины // *Зоологические исследования в Казахстане: современное состояние и перспективы*. Алматы: 134 -136.
- Березовиков Н.Н., Левинский Ю.П. 2003. Орнитологические наблюдения в Балхаш-Алакольской котловине в 2003 г. // *Каз. орнитол. бюл.* 2003. Алматы: 69-74.
- Деревягин П.Я. 1948. Материалы к экологии некоторых видов крачек // *Tr. Алматинского зоопарка* 1: 55-64.
- Долгушин И.А. 1962. Отряд Чайки — Lariformes // *Птицы Казахстана*. Алма-Ата, 2: 246-327.
- Зубакин В.А. 1988. Чеграва — *Hydroprogne caspia* (Pallas, 1770) // *Птицы СССР. Чайковые*. М.: 299-310.

